

Министерство высшего и среднего
специального образования РСФСР

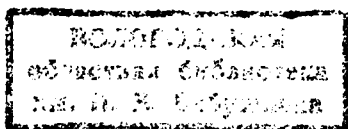
ГОРЬКОВСКИЙ ОРДЕНА
ТРУДОВОГО КРАСНОГО
ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО

ТЕРМИНЫ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

Межвузовский сборник

1047866

Горький 1985

40
735
Термины в языке и речи. Межвузовский сборник. — Горький, изд. ГГУ, 1985, с. 122.

В сборнике рассматривается разграничение терминов языка и терминов речи, проблемы стандартизации терминов, синонимии терминов, особенности освоения иноязычных терминов.

Редакционная коллегия:

М. Б. Борисова, доктор филолог. наук, проф.; А. И. Горшков, доктор филолог. наук, проф.; Р. Ю. Кобрин, канд. филолог. наук, доц.; Н. Н. Лаврова, канд. филолог. наук, доц. (отв. секретарь); М. А. Михайлов, канд. филолог. наук, доц. (зам. редактора); М. М. Михайлов, доктор филолог. наук, проф.; Е. Ф. Мишина, канд. филолог. наук, доц.; А. И. Моисеев, доктор филолог. наук, проф.; В. Н. Немченко, доктор филолог. наук, проф. (отв. редактор).

ПРОБЛЕМА ПРЕДМЕТНОЙ И ПОНЯТИЙНОЙ ОТНЕСЕННОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

(на материале терминов синтаксиса)

| Б. Н. Головин |

Горьковский университет

Термин — необходимое орудие профессионального мышления, профессионального освоения предметной действительности, важнейший инструмент научного общения. Но термины, а точнее, их применение, использование людьми, могут оказаться (и часто оказываются) причиной частичного, а то и полного взаимонепонимания ученых в процессе познания и общения. Не снятая контекстом полисемия термина, скрытая подмена одного значения термина другим, неотчетливость понятийных границ термина, фактическая нетерминированность слов, функционирующих в роли термина, — все это довольно распространенные «терминологические ситуации» современной науки, безусловно, затрудняющие научное общение, снижающие его эффективность. Вот почему едва ли не важнейшей задачей терминоведения на современном этапе можно считать прояснение предметной и понятийной отнесенности основных терминов в каждой науке, в том числе и в лингвистике.

Надо отчетливо представлять, что предметная отнесенность термина возникает за счет его денотативной связи с обозначаемой им реальией (денотатом), и нельзя успешно пользоваться термином, если его предметная отнесенность расплывчата или разнонаправленна, т. е. неясно, какое явление действительности, какие её стороны обозначены тем или иным термином. Но термин не только обозначает определенную реальию, но и выражает, формирует научное понятие о ней. Сигнификативная связь термина, т. е. связь его с научным понятием, задаёт его понятийную отнесенность. И если участники научного общения хотят избежать разномыслия в понимании и применении одних терминов, уменьшить потери в вос-

приятии и усвоении информации, то им нужно договориться хотя бы об одинаковой предметной отнесенности одного и того же термина, а также разъяснить его понятийную отнесенность.

Иначе говоря, каждому ученому, желающему быть понятым, следовало бы соблюдать некоторые, проверенные временем, требования методики:

а) выделение в ряду многих признаков изучаемого явления (предмета) таких, которые необходимы и достаточны (в их совокупности или по отдельности) для узнавания явления (предмета) и отнесения его ко вполне определенному классу; именно такие признаки и могут служить основанием для построения определений, научных дефиниций;

б) единство предметной отнесенности научного термина, т. е. обозначение одним и тем же термином одних и тех же явлений (предметов) действительности, одних и тех же сторон и признаков; взаимопонимание в исследовательском или учебном общении не может быть обеспечено, если один и тот же термин (скажем, *предложение*, *модальность*, *категория*, *речь*, *высказывание*) применяется по отношению к разным реалиям языка;

в) единство терминологического обозначения одного и того же явления (предмета) действительности, — хотя бы в пределах совокупности работ одной и той же научной школы, работ одного и того же ученого, и уж во всяком случае на протяжении одного и того же исследовательского или учебного произведения; если двум, даже исторически и недавно размежеванным терминам найдено (каждому) свое место в системе научных понятий и отражаемых ими реалий, замена одного термина другим нежелательна и неизбежно вызывает помехи в выражении и понимании мысли; язык не может безболезненно замещаться *речью*, а *предложение* — *высказыванием*;

г) если термин не получил одинакового и общепризнанного значения, его использование должно быть достаточно четко пояснено.

В современных лингвистических исследованиях эти, казалось бы, очевидные, требования реализуются далеко не всегда. Наглядный тому пример — использование многих терминов синтаксиса, в частности, терминов *предложение*, *высказывание* [см. 1], *предикативность*, *модальность*.

Почти все изучающие синтаксис современного русского литературного языка к числу грамматических категорий, которыми обладает предложение, относят категории предикативности и модальности, но не все исследователи одинаково понимают их сущность. В «Словаре-справочнике лингвистических терминов» Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой [2] даны следующие пояснения научного содержания термина модальность: «Модальность. Грамматико-семантическая категория, выражающая отношение говорящего к высказываемому, его оценку отношения сообщаемого к объективной действительности. Содержание высказываемого может мыслиться как реальное и нереальное, возможное или невозможное <...> и т. д.». В «Словаре-справочнике» разграничивается «модальность объективная» («выражение отношения сообщаемого к действительности» посредством категорий наклонения, времени, интонации) и «модальность субъективная» («выражение отношения лица говорящего к сообщаемому») [2, с. 180—181].

В энциклопедии «Русский язык» [3] тот же термин получает несколько иное теоретическое освещение: «Применительно к синтаксису термином «М.» называется одна из категорий, формирующих предикативную единицу (предложение). В этой функции М. (или объективная М.) выражает отношение содержания предложения к действительности в плане реальности (осуществленности или неосуществленности) и ирреальности (неосуществленности). «...» Помимо обязательного для каждого предложения объективно-модального значения, конкретное предложение может нести в себе добавочное, «субъективно-модальное, значение, т. е. отношение говорящего к сообщаемому, образующее в предложении второй модальный слой» [3, с. 145].

Перед нами две версии одного и того же грамматического «события» — модальности предложения. Эти две версии частично совпадают (см., например, разграничение объективной и субъективной модальности), частично расходятся. Но не в этих расхождениях состоит главное «неудобство» для читателей обеих версий: оно в том, что предметная и понятийная отнесенность термина «модальность» оказывается неотчетливой. Обе версии уверяют читателя в том, что модальность выражает отношение содержания предложения (или сообщаемого) к действительности. Как будто получается, что в случае

Девочка полила цветы. — Полила ли девочка цветы? и Пусть девочка польет цветы — что в этих и подобных случаях обозначена (отображена) одна и та же действительность, но разное к ней отношение содержания предложения. Но что же является содержанием предложения, как не отображение (обозначение) действительности, включающей и объект (предмет, ситуацию), и субъект (говорящий, действующий, осознающий предмет и ситуацию человек), и отношение, связь между ними?

Едва ли кто-нибудь из обучаемых студентов и обучающихся преподавателей сумеет «увидеть», что стоит за термином *модальность* в языковой реальности, если без пояснений, без комментирования будет повторять широко распространенное мнение о том, что модальность выражает отношение содержания предложения к действительности.

Обратимся к тому толкованию категории модальности предложения, которое предложено «Русской грамматикой» — наиболее поздней по времени появления серьезной научной монографией по проблемам морфологии и синтаксиса современного русского литературного языка. «Модальность» в «Русской грамматике» рассматривается в тесной связи с другой синтаксической категорией предложения — «предикативностью», и суждения о модальности и предикативности сводятся, прежде всего, к следующему: а) «...Сам отвлеченный образец предложения «...» как синтаксическая единица «...» имеет грамматическое значение «...» Этим значением является предикативность — категория, которая целым комплексом формальных синтаксических средств соотносит сообщение с тем или иным временным планом действительности» [4, с. 85—86]; б) «Значение времени и реальности / ирреальности слиты воедино; комплекс этих значений называется объективной модальностью. Категория предикативности формируется этими значениями и представляет их как сложную языковую целостность»; в) объективная модальность — «это заключенные в замкнутой системе абстрактных синтаксических категорий значения отношения сообщаемого к действительности, т. е. значения реальности (синтаксический индикатив: синтаксические настоящее, прошедшее и будущее времена) и ирреальности (синтаксические ирреальные наклонения: сослагательное, условное, желательное, побудительное и долженствовательное). Объективно-модальное значение,

т. е. значение отношения того, о чем сообщается, к действительности, присутствует в любом предложении» [4, с. 86].

При всем моем глубоком уважении к столь серьезному труду, как академическая «Русская грамматика», я не могу не высказать недоумений по поводу строго процитированных только что высказываний о грамматических значениях предикативности и модальности. Прежде всего: опора в понимании грамматических значений предикативности и модальности на синтаксические времена и наклонения кажется очень ненадежной — просто потому, что никаких ясно выраженных показателей «синтаксического» времени и «синтаксического» наклонения русский язык не имеет. Конечно, есть некоторая общая идея времени и наклонения в любом высказывании, но она может оказаться очень неясной и всегда поддерживается тем, что принято было называть в классическом отечественном языкознании глагольностью предложения — тем, что глагол, полнознаменательный, вспомогательный или его нулевой вариант, как правило, в предложении присутствует.

Во-вторых, если не пытаться выйти за семантические и логические пределы сказанного в «Русской грамматике» о значении предикативности и значении модальности, то не удастся уловить сколько-нибудь заметную и существенную разницу между ними: предикативность соотносит сообщение с тем или иным временным планом действительности; модальность соотносит сообщаемое с действительностью, т. е. со значениями времени и наклонения [по-моему, именно так можно понять сказанное в «Русской грамматике» — Б. Н.]. Но в чём же, при таком понимании предикативности и модальности, различие между ними? К тому же о модальности сказано ещё, что она образуется как комплекс значений времени и реальности/ирреальности. При всем желании читатель, в особенности не искушенный в грамматической понятийной и терминологической неоднозначности в лингвистике, — не сможет понять, что к чему, где модальность, где предикативность и что такое каждая из них порознь или обе они вместе.

Аналогичное неразграничение «модальности» и «предикативности» находим и в энциклопедии «Русский язык»: модальность («объективная модальность») «выражает отношение содержания предложения к действительности в плане реальности «...» и ирреальности» [3, с. 145]; предикативность

«относит содержание предложения к действительности и тем самым делает его единицей, предназначенной для сообщения» [3, с. 226]. И если в энциклопедии делаются оговорки о необходимости отличать предикативность «от т. н. субъективной модальности, на базе которой складываются разные виды оценочных значений, несущих в себе отношение говорящего к тому, о чем сообщается в предложении» [с. 226], то остается абсолютно неясным, в чем различие «предикативности» и «объективной модальности».

Между тем у термина «предикативность» есть своя предметная и понятийная отнесенность, отличающаяся от предметной и понятийной отнесенности термина «модальность». Грамматическая категория предикативности обозначает отношение бытийного признака к грамматически независимому предмету и внешне выражается связью глагола-сказуемого (или именного эквивалента) с именем существительным-подлежащим (или его эквивалентом). Категория предикативности связана с логическим соотношением субъекта и предиката, но её грамматическое значение все же не может и не должно отождествляться с логической связью двух понятий. В простейших случаях грамматическая предикативность совпадает с логической (точнее, не расходится с нею), но может и не иметь строгой соотнесенности с логической структурой выражаемой мысли. Например, в предложении *Этот детективный роман написан известным ученым* можно обнаружить все три разновидности «деятеля» и его «признака»: 1) подлежащее — *роман*, сказуемое — *написан*; предикативное отношение выражает бытийный признак (*написан*) предмета (*роман*); 2) субъект — человек, написавший детективный роман; предикат — известный ученый; предикативное логическое отношение показывает связь предмета (деятеля, написавшего роман) и его существенного для говорящего признака, «открываемого», вновь узнаваемого в предмете; 3) реальный деятель — *ученый*, его деятельность — *написал роман*. Таким образом, в данном случае (как и во многих других) грамматическая структура предложения не совпадает с логической структурой выражаемой им мысли.

Категория предикативности существует, прежде всего, там, где наличествует отношение сказуемого к подлежащему. И дело вовсе не в том, что логика раньше грамматики обнару-

жила в процессах мышления субъект, предикат и отношения между ними. Дело в том, что в двучленных (подлежащее и сказуемое), а также и многочленных предложениях, если в их грамматической основе есть те же самые два главных члена, всегда присутствует грамматическое значение, отображающее отношение грамматического бытийного признака к грамматическому предмету (т. е. признака и предмета, обозначенных грамматическими элементами предложения, занимающими позиции сказуемого и подлежащего: *Поезд идёт, Птицы летят, День теплый, Перелетные птицы улетают на юг* и т. д.).

Категория предикативности обозначает признак предмета, действительно соотносённый с длительностью, протяженностью и включённостью в процесс времени. Это тот самый признак, через который для нас, нашего сознания обнаруживается существование предмета, которое не может быть вырвано из перспективы времени — независимо от того, обозначено это время одной из глагольных форм или же на него указано только в некоторой перспективе, нерасчленённо на настоящее, прошедшее и будущее — например, так, как это делают формы наклонения или инфинитив.

Носителем грамматического значения предикативности оказывается грамматический центр предложения, его так называемая структурная (предикативная) основа, которая информирует о соотношении предмета и его бытийного признака. Простейшие структуры предложений, включающие в свой состав подлежащее-существительное и сказуемое-глагол, подтверждают мнение о том, что структурная основа предложения обозначает, называет предмет в процессе его бытия, существования. Уйти от констатации этого факта наше сознание не может, ему это не дано. Но ему дано бытийность предмета осознавать либо как фактическую в настоящем, прошедшем или будущем, либо как возможную, либо как желаемую, требуемую. Именно об этих самых общих различиях в отношении сознания к бытию предмета и информирует другая важнейшая категория предложения — категория модальности.

Категория модальности предложения связана, конечно, с категорией предикативности, однако эта связь не столь туманна и неуловима, как это иногда получается в синтаксических описаниях. Категория модальности своим значением отображает самые общие различия в отношении сознания че-

ловека (каждого, любого) к обозначаемому предложением событию (факту действительности), которое осознается либо как осуществленное (осуществимое) в то или иное грамматически обозначенное время, либо как возможное при тех или иных названных или не названных предложением условиях, либо как желательное (требуемое). Думается, что такое понимание и пояснение значения синтаксической категории модальности больше соответствует реальностям самого языка, чем ныне принятое многими авторами синтаксических пособий.

Что же касается слитности, цельности, нераздельности категории модальности и категории предикативности, то тут тоже есть над чем задуматься. Ведь если грамматическая семантика этих двух категорий сливается настолько, что нет возможности осознать, какое значение какой именно категории принадлежит, то, спрашивается, зачем же говорить о двух категориях? Вот почему и не нужно торопливо отказываться от традиционного взгляда на предикативность, предполагающего, что эта категория сигнализируется прежде всего внешней связью сказуемого с подлежащим, а внутренне, по грамматическому значению, является выражением информации о связанности бытийного признака и предмета, его носителя.

Лингвистическая наука видит большую роль категорий модальности и предикативности в формировании предложения как синтаксической единицы языка. Наука видит достаточно отчетливо и грамматические значения этих двух категорий, и формально-материальные средства их выражения (их формальные показатели). Но наука, к сожалению, не имеет сложившегося отношения к третьей важнейшей синтаксической категории предложения — категории коммуникативности. И это несмотря на то, что как будто все лингвисты признают коммуникативную функцию в числе важнейших функций языка и его основной, связывающей людей, грамматической единицы — предложения.

Поток человеческого мышления (сознания), формируемый и выражаемый при обязательном участии языка (если иметь в виду такие акты мысли и сознания, которые контролируются человеком и он, формируя и выражая мысли, отдает себе отчет в их содержании и назначении), этот поток членится на своеобразные кванты языка-сознания. Ими и становятся предложения, направленные, прежде всего, к участнику про-

цесса общения. (Если человек говорит и пишет, а значит, и думает про себя и для себя, он сам и становится адресатом, вторым участником процесса мысли-речи). Каждый такой квант-предложение несет информацию о завершенности одного акта мысли-сознания и о его направленности участнику общения. Информация о завершенности каждого кванта мысли-сознания внешне хорошо выражена интонацией предложения — и совокупной, и в особенности интонацией конца предложения.

Таким образом, налицо грамматическое значение, выражающее и возбуждающее информацию о завершенности одного акта мышления-сознания и направленности его адресату; налицо же и внешний, материальный показатель этого значения — особая интонация (не будем пока присматриваться и к другим внешним показателям поименованного только что грамматического значения). Но единство грамматического значения и средств его материально-формального выражения называется грамматической категорией. Однако столь определенно выявленная самим языком, столь ему необходимая грамматическая категория, в сущности, остается не замеченной наукой и даже не упоминается в числе тех категорий, которые формируют грамматическую структуру предложения. Эту категорию естественнее, чем как-либо иначе, называть категорией коммуникативности.

Категория коммуникативности хорошо показывается любым текстом, расчлененным ею, как мы только что говорили, на своеобразные кванты информации — предложения (высказывания). Вот одна из иллюстраций: «Сильнее дул ветер, клонил на запад вершины тополей и верб. Раскачивался бледный ствол ясеня, окутанный белым кипящим вихрем мечущейся листвы. Ветер снижался, падал на доцветающий куст шиповника, под которым спала Аксинья, и тогда, словно вспугнутая стая сказочных зеленых птиц, с тревожным шелестом взлетали листья, роняя розовые перья-лепестки» (*М. Шолохов*). — Очевидна интонационная расчлененность этого куса текста на отрезки, соответствующие самостоятельным, простым или сложным, предложениям. Именно интонация конца предложения информирует слушателя (или читателя) о завершенности одного акта сознания (мышления). Перемены интонации внутри высказывания, даже если они соответствуют относительно самостоятельным его участкам, несут информа-

цию не только об этой относительной самостоятельности, но и о незавершенности высказывания в целом, т. е. незавершенная часть выражает информацию о том, что недостающей части нет, хотя она и должна бы быть.

Признав предложение коммуникативной единицей языка, формирующей и выражающей акты мысли и сознания (а такое признание достаточно широко распространено в современной науке), мы едва ли сумеем уйти и от признания того реально-языкового факта, что в самой структуре языка есть грамматическая категория, свойственная предложению, выражающая информацию о завершенности одного акта мысли-сознания. Это и есть категория коммуникативности. Конечно, должна быть и существует тесная связь этой категории с двумя другими, давно признанными наукой, категориями предложения — предикативностью и модальностью. Однако нет оснований их произвольно смешивать или подчинять одну другой. У каждой — своё грамматическое значение и своё материальное выражение, имеющее очень сильный общий, как бы сливающий все три категории в одну, элемент — интонационный. Но даже в нерасчлененно воспринимаемой интонации предложения можно заметить такие компоненты, каждый из которых тяготеет к обслуживанию одной из трех категорий предложения. Предикативность интонационно сигнализируется возможностью перелома тональности высказывания на месте связи сказуемого с подлежащим: *Птицы / уже улетели. Эта книга / очень интересна. В этом году шли проливные / дожди* и т. д. Модальность сигнализируется, прежде всего, констатирующей, вопросительной или побудительной интонацией (в различных вариантах и осложнениях, вызываемых воздействием на модальность конкретного смысла высказываний). Коммуникативность отчетливо выражается интонацией завершенности, которая безошибочно применяется и узнается говорящими — независимо от того, есть у них или нет хотя бы школьные знания о структуре предложения.

Формирующие предложение грамматические категории коммуникативности, модальности и предикативности неравноправны в функциональном смысле. Важнейшую функцию выполняет категория коммуникативности, т. к. именно эта категория информирует слушателя-читателя как о завершенности одного акта сознания — мышления — речи, так и о направ-

ленности его адресату. Поддерживают эту категорию, не утрачивая своей грамматической автономии, категории модальности и предикативности. И если категория модальности, как и категория коммуникативности, наличествуют в любом предложении, то категория предикативности в структурном плане налицо и полна только тогда, когда в предложении есть и подлежащее, и сказуемое, т. е. те члены предложения, которые несут информацию о предмете и его бытийном признаке. Но категория предикативности может быть и структурно неполна, если предложение имеет только один главный член. В этом случае категория предикативности существенно видоизменяется: остается выраженным структурно только один из двух элементов её значения. Так, в случае: *«Ночь. Мороз. Луна над полями. Скрип саней. И далекая песня»*, — названы предметы, но их бытийные признаки структурно не обозначены, они как бы предполагаются сознанием в самой реальной действительности. В случае *«Уже смеркается. Опять потеплело. И даже повеяло летними запахами»*, — названы бытийные признаки той среды, той реальной ситуации, которая структурой предложения не обозначается, но так или иначе отражается сознанием говорящего и слушателя, пишущего и читателя. Только двусоставные предложения обладают полной категорией предикативности. Односоставные предложения наделены предикативной неполнотой и устанавливают предикативные отношения не связью двух главных членов предложения, а соотносительностью одного главного члена и внеязыковой действительной жизни.

Итак, если видеть реалии языка и не терять их за субъективностью сформированных о них понятий, осознается предметная и понятийная отнесенность основных категорий предложения, их взаимная связь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головин Б. Н. О предметной отнесенности терминов «языковая семантика предложения» и «смысл высказывания». — В сб.: Термин и слово. Предметная отнесенность и функционирование терминов. Горький, 1983.
2. Розенталь Д. Э., Телёнова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976.
3. Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.
4. Русская грамматика. М., Изд. АН СССР, 1980.

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ ТЕРМИНА КАК ОБЪЕКТА ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

В. Н. Немченко

Горьковский университет

Лексикографическое описание научной терминологии — одна из важнейших задач современного языкознания. Практическое осуществление этой задачи связано с необходимостью решения целого ряда конкретных вопросов теоретического характера. При этом отправным моментом теоретического исследования в данной области является проблема термина как объекта описания, вопрос о понятии термина, о его границах.

В современной лингвистической литературе понятие термина обычно определяется по семантическим признакам, в зависимости от значения, или функции, соответствующих языковых единиц. К терминологической лексике принято относить «слова специальные, ограниченные своим особым назначением» [18, с. 80], слова «со строго определенным значением» [3, с. 29], или «с особой функцией» [3, с. 36]. Ср. также более пространное определение понятия термина на основе семантических признаков: «Термином, как известно, называется такое слово, которому соответствует одно какое-либо точно определенное понятие из области науки, техники, искусства» [7, с. 66]; «К терминологической лексике относятся слова, точно обозначающие определенные понятия какой-нибудь области науки, техники, производства, сельского хозяйства, экономической и общественной жизни, литературы и искусства» [4, с. 32]; «...слово в составе терминологической лексики — это слово, соотносимое со специфическим объектом. Следовательно, терминологическая лексика — это словарный запас, используемый в той или иной отрасли материального производства или науки для обозначения специфических объектов» [13, с. 145].

В последнее время при определении понятия термина учитывается возможность терминологического использования словосочетаний (наряду с отдельными словами). Под терминами понимаются «слово или словосочетание (научного, технического и т. п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое и т. п.) для точного выражения специальных понятий и

обозначения специальных предметов» [1, с. 474], «слова или словосочетания, выражающие специальные научно-технические понятия, в которых отражены специфические, существенные свойства предметов» [11, с. 7], «слова и словосочетания, самостоятельно выражающие специальные понятия, а также другие семантически целостные единицы (связанные морфемы, синсемантические слова и словосочетания), которые имеют специальное значение и применяются для аналитического выражения понятий» [17, с. 118], «слово или словосочетание, точно обозначающее какое-либо понятие, применяемое в науке, технике, искусстве» [19, с. 442], «слово или словосочетание, являющееся названием специального понятия к.-л. сферы производства, науки или искусства» [20, с. 349].

Семантическая характеристика термина как специфической языковой единицы, отражающая сущность терминологической лексики, не позволяет строго отграничить терминологию от общеупотребительной лексики [об этом см., например: 13, с. 140], хотя данный признак служит основой для распределения терминологической лексики по отраслям знаний, что весьма существенно при подготовке отраслевых терминологических словарей. При определении термина, при отборе материала для терминологического словаря, наряду с семантическими признаками рассматриваемой языковой единицы, должны приниматься во внимание также некоторые формальные, грамматические её особенности, прежде всего принадлежность данного слова или опорного компонента соответствующего словосочетания к определенной части речи.

В обозначении научных понятий могут участвовать слова разных частей речи: имена существительные, прилагательные, глаголы (включая причастные формы), наречия. Однако в качестве терминов как специфических языковых единиц обычно рассматриваются имена существительные или построенные на их основе словосочетания. Как справедливо замечает О. С. Ахманова, «в европейских языках система существительных настолько развита, имеются настолько неограниченные возможности образовывать отглагольные существительные и отвлеченные существительные, образованные от основ прилагательных, что основной состав терминологического списка для этих языков вполне может быть исчерпан существительными» [1, с. 11; об этом см. также: 6, с. 13; 9, с. 12; 14,

с. 135, 138; 21, с 6]. В то же время в работах некоторых исследователей наряду с именами существительными и субстантивными словосочетаниями к терминологической лексике относятся также слова других частей речи, такие, как, например: *лирический, литературный, мадригальный, сатирический, трагический, элегический, эпиграмматический, эпический* (в названиях литературных родов, видов, жанров), *поэтический* (в составе словосочетания «поэтическое явление»), *прозаический* (в словосочетании «жители прозаической Москвы»), *критический* (в сочетании «критические замечания»), *прозаически* (в сочетании «я сужу более прозаически»), *романтически* и др. [см.: 5, с. 30, 31, 62, 65 и др.].

Более обоснованным представляется широко распространенное в современном языкознании мнение о том, что «языковой формой выражения терминов являются имена существительные и словосочетания на их базе» [14, с 135], что «термины — это слова и словосочетания строго номинативной функции, а именно, определенный тип имен существительных и словосочетаний на их основе» [14, с. 138], что в составном термине, или терминологическом словосочетании, «грамматический центр всегда имя существительное» [21, с. 6], а «имя прилагательное, глагол, наречие включаются в терминологические связи не самостоятельно, а через посредство имени существительного» [9, с. 12]. Глаголы, обозначающие специальные понятия, в терминологии последовательно заменяются семантически соотносительными с ними производными существительными; ср., например: *закалять — закалка, обжигать — обжиг, склонять — склонение, спрягать — спряжение, членить (основу слова) — членение, членимость* и т. п. [об этом см., например: 1, с. 11; 6, с. 13]. Прилагательные и причастные формы глаголов выступают в качестве самостоятельных терминов лишь в случае субстантивации, т. е. превращения в существительные, например: *производное* (в знач. «производное слово»), *производящее* (в значении «производящее слово»), *мотивирующее* (в том же знач.). Собственно прилагательные и наречия используются в терминологии лишь для уточнения специальных понятий, обозначаемых именами существительными или субстантивными словосочетаниями; ср., например: *словообразование — диахроническое словообразование, производное слово — синхронически производное слово*.

К составным терминам предъявляется еще одно весьма существенное грамматическое (синтаксическое) требование, а именно, наличие подчинительных связей компонентов словосочетания. Составным термином считается не всякое субстантивное словосочетание, обозначающее специальное понятие, а лишь такое, которое образовано на базе подчинительных связей. Иными словами, «составные термины представляют собой особую разновидность подчинительных словосочетаний» [11, с. 9]. При учете данного признака термин как специфическая языковая единица определяется следующим образом: «термин — это слово или словосочетание (образованное на базе подчинительных связей), имеющее профессиональное значение, выражающее и формирующее профессиональное понятие, которое применяется в процессе (и для) познания и освоения некоторого круга объектов и отношений между ними — под углом зрения определенной профессии» [10, с. 51; см. также: 2, с. 277].

При таком понимании термина к составным терминам (или, иначе, терминологическим словосочетаниям, терминованным словосочетаниям) нередко относятся подчинительных словосочетаний, включающие два или более самостоятельных терминов, например: *категория именительного падежа имени существительного в современном английском языке* [см.: 8, с. 63], *морфологические категории имени прилагательного в функциональных стилях современного русского литературного языка* [см.: 2, с. 278], *различение отвлеченно-грамматических видовых префиксов и глагольных приставок с ярко выраженными реальными значениями* [см.: 11, с. 12]. При этом самостоятельность терминов, входящих в состав подобных словосочетаний, признается авторами соответствующих работ, в которых такие словосочетания рассматриваются в качестве составных терминов. Ср., например: «Большинство терминологических словосочетаний семантически родственны свободным словосочетаниям в том смысле, что значения составных терминов (как и значения свободных словосочетаний) равны сумме значений составляющих их частей [11, с. 9]. Данная мысль подтверждается также признанием факта *терминосложения*, которое опирается на возможность соединения в составе сложного термина уже существующих на базе

логики, соединимости понятий: морфологические категории — имени прилагательного — в функциональных стилях современного русского литературного языка» [2, с. 278; см. также: 21, с. 8 и др].

В обоснование рассматриваемой концепции иногда приводятся некоторые правила, логические теоремы, например: «если единица языка, обозначающая родовое понятие, — термин, то и все единицы языка, обозначающие соответствующие видовые понятия, — также термины» [8, с. 63]; далее: «если единица языка, обозначающая некоторое целое, некоторую сложную структуру, — термин, то и все единицы языка, обозначающие части целого, стороны, элементы и отношения структуры, — также термины» [8, с. 63] и др. [см.: 8, с. 64—65]. Теоремы эти сами по себе довольно привлекательны, однако они не подтверждают факта соотносительности между специальными понятиями разной сложности и обозначающими эти понятия терминами. Наличие данной соотносительности нуждается в доказательстве, которое в цитированной работе отсутствует.

На наш взгляд, не менее убедительным представляется и такой, совершенно противоположный тезис: сложное научное понятие может обозначаться не только одним составным термином, но и сочетанием разных терминов. Иначе говоря, не каждое субстантивное словосочетание, образованное на базе подчинительных связей и обозначающее специальное (профессиональное) понятие, является составным термином. К терминологии относятся лишь такие субстантивные словосочетания, которые не способны члениться на самостоятельные термины без потери выражаемого ими значения. При этом обязательным условием признания слова или словосочетания термином является сохранение выражаемого им значения в любом контекстном окружении. С этой точки зрения в качестве самостоятельных составных терминов должны рассматриваться такие словосочетания, как, например: *словообразовательный тип, синхроническое словообразование, суффиксальный способ словообразования* и т. п. Словосоче-

тание морфологические категории имени прилагательного в функциональных стилях современного русского литературного языка, приводимое в качестве примера составного термина, целесообразно рассматривать как сочетание четырех самостоятельных составных терминов: *морфологическая категория, имя прилагательное, функциональный стиль и современный русский литературный язык*. Каждый из этих четырех терминов обозначает особое специальное (лингвистическое) понятие и сохраняет данное значение в любом контекстном окружении.

Близкое понимание термина находим в работах В. М. Овчаренко, которым данное понятие определяется как «семантически целостная языковая единица, значение которой не выводится непосредственно из значений компонентов, объединенных по соответствующей структурно-семантической модели» [16, с. 143—144], как синтетическое словосочетание, значение которого «не выводится непосредственно из значений компонентов и состоит в соотносительности всего образования в целом с выражаемым понятием» [17, с. 94]. При таком понимании термина необходимым условием членимости словосочетания считается «повторяемость его компонентов, их способность сохранить данное значение при сочетании с другими знаками или совокупностями знаков [16, с. 148].

Предлагаемое В. М. Овчаренко определение термина в принципе не вызывает возражений. Однако, на наш взгляд, автором слишком узко понимается «семантическая целостность языковой единицы», обозначающей специальное понятие. По его мнению, такие словосочетания, как *электрический двигатель*, не являются терминами на том основании, что прилагательное, выступающее в качестве определения, якобы сохраняет то же значение и в сочетании с другими существительными, например, в словосочетании *электрическая энергия*, и, следовательно, семантической целостностью не обладают [См.: 16, с. 146—147]. С нашей точки зрения, прилагательное *электрический* в названных словосочетаниях выражает разные значения, что находит отражение и в толковых словарях современного русского языка. На этом основании оба названные и им подобные словосочетания следует рассматривать как самостоятельные составные термины и на равных правах описывать в терминологических словарях,

в разных словарных статьях. Только при данном условии терминологические словари в состоянии отразить все специальные (профессиональные) понятия, относящиеся к той или иной отрасли науки, техники, искусства и т. д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
2. Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание. М., 1979.
3. Будагов Р. А. Введение в науку о языке. 2-е изд. М., 1965.
4. Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И. Чапукевич В. В. Современный русский язык. 3-е изд. М., 1966.
5. Васильев Н. Л. Научная лексика в литературном творчестве А. С. Пушкина. Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Горький, 1981.
6. Винокур Г. О. О некоторых явлениях в русской технической терминологии. — Труды Московского института истории, философии и литературы. М., 1939, т. 5.
7. Галкина-Федорук Е. М., Горшкова К. В., Шанский Н. М. Современный русский язык. Лексикология. Фонетика. Морфология. — М., 1957.
8. Головин Б. Н. О некоторых доказательствах терминированности словосочетаний. — В сб.: Лексика, терминология, стили. Горький, 1973, вып. 2.
9. Головин Б. Н. О некоторых направлениях и задачах изучения лексики, терминологии и стилей. — В сб.: Лексика, терминология, стили. Горький, 1973, вып. 1.
10. Головин Б. Н. О некоторых проблемах изучения термина. — Вестник Московского ун-та. Серия Х. Филология. М., 1972.
11. Кобрин Р. Ю. Опыт лингвистического анализа терминологии. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Горький, 1969.
12. Котелова Н. З. Семантическая характеристика терминов в словарях. — В кн.: Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976.
13. Кузькин Н. П. К вопросу о сущности термина. — Вестник Ленинградского ун-та. Серия истории, языка и литературы. Л., 1962, № 20, вып. 4.
14. Моисеев А. И. О языковой природе термина. — В кн.: Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970.
15. Моисеев А. И. Специальная терминология и лексика общего употребления. На материале наименований лиц по профессии. — В сб.: Лексика, терминология, стили. Горький, 1973, вып. 2.
16. Овчаренко В. М. Концептуальная, семантическая и семиотическая целостность термина. — В кн.: Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970.
17. Овчаренко В. М. Термин, аналитическое наименование и номинативное определение. — В кн.: Современные проблемы терминологии в науке и технике. М., 1969.
18. Реформатский А. А. Введение в языкознание. М., 1955.

19. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Справочник лингвистических терминов. Пособие для учителей. М., 1972.
20. Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.
21. Ручина Л. И. Опыт изучения сложения составных лингвистических терминов (на материале современного русского языка). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Горький, 1982.

ТЕРМИНЫ ЯЗЫКА И ТЕРМИНЫ РЕЧИ

Т. М. Горшкова

Горьковский университет

При анализе терминологических единиц, функционирующих в текстах любой технической или научной направленности, терминолог встречается с языковыми и речевыми терминологическими единицами [1]. Термины языка выражают актуальное на современном этапе развития отрасли понятие, воспроизводятся в процессе речи, составляют основу, «костяк» терминологии любой предметной области. Термины речи производятся в речевом процессе для выражения новых понятий, возникающих в каждом конкретном акте профессионального мышления. Они принадлежат речевой терминологической системе того или иного специалиста [2].

Вопрос о конкретных методиках разграничения языковых и речевых терминов является весьма сложным и актуальным. Современное терминоведение включает ряд работ, предлагающих статистические методики определения терминологичности слов или словосочетаний и подсчеты их воспроизводимости [3]. Но количественные оценки воспроизводимости терминологической единицы на ограниченном материале могут не дать объективной информации о действительной повторяемости терминов в текстах данной отрасли знания или производства. Кроме того, применение статистических методик исследования ограничивают и особенности некоторых терминологических систем. Так, в общественно-политических и философской терминологиях определение термина часто напрямую зависит от мировоззренческих установок ученого, его идеологической позиции. Как указывает Т. Б. Крюкова, «...отражая изменяющиеся исторические условия, существующие общественные противоречия, идеология формулирует свои положения в основном в понятиях и категориях, созданных ранее, но вкладывает в них новое содержание, включает

их в новые системы воззрений. Вместе с понятиями, сохраняются, как правило, и обозначающие их слова, но поскольку меняется содержание понятий, меняется и значение соответствующих слов» [4, 33]. Поэтому статистические критерии воспроизводимости элементов указанных терминологических систем могут показать повторяемость формально одинаковых, но по сути своей разных терминов. Количественный анализ таких терминологических единиц должен сопровождаться анализом их концептуального содержания.

Учитывая все вышесказанное, в качестве одной из методик разграничения терминов языка и терминов речи можно предложить качественный анализ терминологических единиц, основанный на непосредственном обращении к понятийному содержанию терминов, выявлению степени их актуальности. Этот анализ проводится путем опроса специалистов. В качестве контрольных предлагаются следующие вопросы: «Является ли понятие, выраженное данным термином, основным, важным на современном этапе развития науки?», «Часто ли встречается термин в текстах и в устной речи?» При положительных ответах на вопросы есть основания отнести данный термин к разделу языковых, при отрицательных — речевых. Априорно можно предположить, что субъективная интерпретация актуальности понятий, воспроизводимости терминов может существенно исказить действительную картину, но применение этой методики на различном материале (терминологии педагогики, машиностроения, философии) показало, что расхождения в ответах специалистов одной предметной области незначительны.

Ниже приведены результаты подобного анализа 600 терминов педагогики при помощи 3 информантов, хорошо знакомых с исследуемой терминологией (кандидаты наук). В таблице указаны доли терминов, получивших положительные ответы на оба вопроса (+ +), и доли терминов с отрицательными характеристиками (— —).

Т а б л и ц а

Информанты	+ + (термины языка)	— — (термины речи)
I	0,63	0,23
II	0,69	0,22
III	0,69	0,21

Небольшое число терминов было отмечено информантами как маловоспроизводимые, но выражающие актуальное понятие.

Анализ структуры терминов языка и терминов речи показывает очевидную прямую зависимость между длиной термина и его языковой или речевой принадлежностью: чем длиннее термин, тем вероятнее, что он возник в речи для выражения нового понятия — результата дифференцирующей работы индивидуального профессионального мышления и, наоборот, чем короче термин, чем шире понятие, выражаемое им, тем больше вероятность его языковой принадлежности. Анализ 3400 единиц философской терминологии показывает, что термины длиной от одного до трех слов преимущественно языковые, четырех-пятисловные термины распределяются между языковыми и речевыми приблизительно в одинаковом количестве, терминологические единицы, состоящие более, чем из пяти компонентов, в основном, речевые.

На функционирование терминов речи оказывают безусловное влияние особенности отражения реального мира, средств и способов описания его объектов, которые различают технические, гуманитарные и естественные науки.

Например, описательный характер гуманитарных научных отраслей проявляется, в частности, на уровне терминологии в большем, по сравнению с другими науками, использовании многословных терминов, составные элементы которых обозначают отдельные признаки факта действительности. Общее стремление к описательности реализуется не только в создании новых многословных терминов, но и в широком создании речевых многокомпонентных эквивалентов к языковым терминам.

В [5] указывается, что одним из средств субституции терминов в тексте может быть парафраза, которая чаще используется в произведениях научно-популярного и публицистического стиля. Функционирование парафраз связано также со степенью упорядоченности терминологии и с характером научной отрасли. Анализ показывает, что и в научных гуманитарных текстах широко употребляются речевые многословные описательные конструкции, причем их использование вызвано не только необходимостью соблюсти определенные

стилистические нормы, избежать повторений, но чаще стремлением «характеризовать объект исследования наиболее полно, эксплицировать возможно большее число его признаков. Вот несколько примеров: *«Воображение маркузианско-сартровского толка выполняет функцию не орудия революции, а своеобразного ...механизма психологической защиты человека в трудном мире от этого мира (курсив мой — Т. Г.)* и от себя самого. Выводя человека из царства «истеблишмента» на просторы небытия, такое воображение оказывается мифотворческим» [6, 92];

«Как известно, *деформация фразеологических единиц как лингвостилистическое средство усиления эмоционально-экспрессивной стороны высказывания (курсив мой — Т. Г.)* — явление речи. Стремление говорящего избежать употребления разного рода «окаменелых метафор», банальных и избыточных фраз и клише побуждает его подвергать фразеологические единицы разнообразным преобразованиям и деформации» [7, 111].

Точные науки характеризуются строгим стилем изложения. Здесь ограничено варьирование и создание новых терминологических единиц; объекты действительности обозначаются однословными терминами и немногословными терминологическими сочетаниями. Немаловажную роль в сохранении строгого рисунка функционирования терминологических единиц, преобладании нерасчлененных терминологических структур играют и символические средства. Если в результате дифференциации понятия образуется новое, оно может быть выражено по воле автора не с помощью языковых средств, а символом. Это также снижает вероятность появления терминов речи.

Количество терминов речи зависит и от конкретного содержания текста. Там, где отдельный вопрос подвергается всестороннему рассмотрению, глубокому анализу, встречается гораздо больше многокомпонентных терминологических сочетаний, которые по преимуществу являются речевыми терминологическими единицами. Тексты, содержащие общую информацию, отличает большое число немногословных терминов, воспроизводимых в процессе речи.

Определение оптимальных критериев разграничения терминов языка и терминов речи, подробное описание их состава

ва, структуры, грамматических признаков имеет большое значение для теоретического терминоведения и решения прикладных задач. Работа в этом направлении должна продолжаться на разном фактическом материале.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. О проблеме разграничения терминов языка и терминов речи см.: Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание. М., 1979, стр. 268—269.

2. Мы не рассматриваем в данной статье термины речи, возникающие в результате варьирования материальной оболочки терминологических единиц. См. об этом: Горшкова Т. М. Опыт статистического изучения функционирования терминов в философских текстах. В сб.: Лексика. Терминология. Стили. Горький, 1975, вып. 4.

3. См., например, Андреев Н. Д., Замбрицкий В. Л. Именное словообразование в спортивной терминологии. — В сб.: Развитие современного русского языка. М., 1963; Андреев Н. Д. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языкознании. Л., 1967; Кобрин Р. Ю. Опыт лингвистического анализа терминологии. Дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук (Рукопись). Горький, 1969; Пекарская Л. А. Речевое функционирование составных терминов. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Горький, 1979.

4. Крючкова Т. Б. К вопросу о многозначности «идеологически связанной» лексики. — ВЯ, 1982, № 1.

5. Гак В. Г., Лейчик В. М. Субституция терминов в синтагматическом аспекте. — В сб.: Терминология и культура речи. М., 1981.

6. Баталов Э. Я. Воображение и революция. — Вопросы философии, 1972, № 1.

7. Чиненкова Л. А. Процессы развития английской идиоматики. — ВЯ, 1983, № 2.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ УПОРЯДОЧЕНИЯ И СТАНДАРТИЗАЦИИ ТЕРМИНОЛОГИИ

(терминологическая синонимия)

Л. Н. Русинова

Горьковский НИИ прикладной математики и кибернетики

Проблема терминологической синонимии еще далека от своего разрешения. Достаточно сказать, что до сих пор не выяснено, присущи ли вообще синонимические отношения терминам или же для терминологии характерна только дублетность [17]. По-прежнему дискуссионными являются и такие вопросы, как: свойственна ли синонимичным терминам

стилистическая противопоставленность [ср. 9 и 15]; что нужно понимать под терминологической дублетностью [ср. 13, 17 и 12]; какие термины следует относить в разряд синонимов [ср. 12 и 16] и т. д. Словом, разногласий пока еще очень много¹. Но, пожалуй, единственное, в чем мнения большинства терминоведов не расходятся, — это признание терминологической синонимии (что бы под ней ни понималось) явлением ненужным и даже вредным, поскольку она якобы не выполняет в терминосистемах никаких функций, а лишь затрудняет общение [5, с. 14; 11, с. 87; 17, с. 61]². Такое единодушие в отрицательной оценке роли синонимичных терминов в значительной мере поддерживается тем, что традиционно считается, будто бы терминология любой области науки или техники только тогда будет адекватно выполнять свою коммуникативную функцию, когда соблюдается соотношение: одно понятие — один знак и наоборот. Эта «аксиома» кажется некоторым исследователям настолько бесспорной, что, не решаясь отступить от нее, они иногда противоречат своим собственным выводам [ср. в 13 с. 13 и 19].

Безоговорочное признание обязательности взаимно-однозначного соотношения между элементами плана содержания и элементами плана выражения во всякой «хорошей» терминологической системе диктует, в свою очередь, обязательность устранения синонимических отношений между терминами (за исключением отдельных случаев) при упорядочении естественно сложившихся терминосистем, т. к. наличие нескольких обозначающих для одного и того же понятия указанное соотношение нарушает. Думается, однако, что в полном уничтожении синонимии в терминологии нет никакой нужды. Более того, это повлекло бы за собой только ухудшение работы систем терминов.

Но прежде, чем попытаться доказать это, придется сделать небольшое отступление для того, чтобы со всей определенностью установить, в чем состоит конечная цель упорядочения естественно сложившихся терминологий. Необходимость прояснения этого, может быть, самоочевидного вопроса обусловлена тем, что с недавних пор в практическом терминоведении наблюдается (судя по специальной литературе) явно одностороннее понимание задач стандартизации.

Так, в публикациях, посвященных различным проблемам терминологической работы, все чаще проскальзывает мысль

о том, что упорядочение и стандартизация терминосистем должны ориентироваться на возможности обработки научно-технической информации средствами вычислительной техники [6, с. 32; 18, с. 7]. По-видимому, авторы, разделяющие эту точку зрения, забывают, что любая терминология, как часть лексической системы языка, призвана, в первую очередь, служить общению специалистов соответствующей области знания друг с другом. И, следовательно, выполнению именно этой функции должно отвечать устройство любой терминосистемы. А терминология, удобная для создания информационного обеспечения АСУ и ИПС, может оказаться неудобной или даже вовсе непригодной для научных коммуникаций. Не учитывать этого обстоятельства нельзя.

В терминологической литературе последнего десятилетия встречается и иная трактовка задач терминологической работы. В целом ряде публикаций, содержащихся в реферативном сборнике «Научно-техническая терминология» за разные годы, например, утверждается, что основной целью упорядочения и стандартизации терминосистем является достижение «единообразного понимания норм, правил и требований, установленных в нормативно-технической документации (НТД)» [14, с. 3; 8, с. 1 и др.]. Аналогичная мысль высказывается и в статье [10, с. 9], в которой говорится, что «потребность упорядочения современных терминологий» объясняется необходимостью «оптимального функционирования терминов в специальной литературе (прежде всего, учебной, справочной, документально-технической и т. д.) и в устной сфере профессионального общения». Как видно из приведенных цитат, их авторы предлагают приспособить естественно сложившиеся терминосистемы к потребностям составления и использования нормативно-технической или справочной документации. При этом совершенно игнорируется то, что средствами этих же терминосистем обслуживаются и другие сферы научно-технического общения, где от терминов могут потребоваться иные свойства, нежели в НТД³. Авторы процитированных работ как будто полагают, что в рамках одной и той же области знания функционируют несколько разных терминологий: одна — для составления НТД, другая — для учебного процесса; третья — для написания научных статей и монографий, четвертая — для устного общения и т. д.; и, упорядочив одну

из них в соответствии с конкретными задачами её применения, можно не заботиться о том, как эта терминология будет работать в других сферах. Однако, в действительности дело обстоит совсем наоборот: термины, используемые в нормативно-технических документах, будут употребляться и в учебниках, и в статьях той же тематики, и в устных беседах специалистов этой же области знания. Иными словами, все перечисленные (и еще многие другие) сферы применения любой реальной терминологии обслуживаются средствами одной и той же терминосистемы. Очевидно поэтому, что при упорядочении терминологии нельзя учитывать «интересы» только одной сферы ее функционирования, так как это непременно приведет к «ущемлению интересов» других⁴.

Итак, конечной целью упорядочения терминологии должно быть усовершенствование ее как средства, точнее, как лексической основы научно-технического общения человека с человеком (а не человека с ЭВМ или специалистов друг с другом через ЭВМ) так, чтобы она давала возможность осуществлять это общение во всех сферах ее применения (а не только, например, в НТД или учебной литературе) и при этом оптимальным образом. Именно в этом видели задачу практического терминоведения и его основоположники. Отсюда вытекает, что решение вопроса об обязательности или необязательности полного устранения синонимии при упорядочении терминологии зависит от того, станет ли эта терминология совершеннее, если из нее изъять все синонимичные термины, будет ли она лучше выполнять свою коммуникативную функцию. Попробуем в этом разобраться.

Принято считать, что синонимичные термины не несут никакой функциональной нагрузки в терминосистеме и поэтому их присутствие в ней ничем не оправдано. А между тем это не так. Ранее уже упоминалось, что терминология любой области знания обслуживает общение специалистов этой области в самых разных сферах их деятельности: выступления на симпозиумах и конференциях (в том числе, международных), преподавание в средней школе и в вузе, написание статей, составление различной технической документации, участие в научно-популярных изданиях, устные беседы на личном уровне и т. д. Нетрудно увидеть, что от терминов, служащих лексической основой этих многочисленных и разнообразных

контактов, требуются и разные качества, зависящие от конкретных целей общения. Так, например, при преподавании какой-либо дисциплины в школе совсем неуместно обилие иноязычных терминов. А при общении специалистов этой же области знания на международном уровне интернациональные термины, являющиеся, как правило, иноязычными, вполне допустимы и даже необходимы. Ведь интернациональная часть терминологии любого языка — это, по выражению В. Н. Молодца, «тот мост, который соединяет национальную культуру и науку с мировой» [13, с. 19] и позволяет ученым разных стран легче понимать друг друга. Учебно-педагогический процесс и в школе, и в вузе требует простого и ясного изложения материала. Поэтому здесь целесообразно использование терминов, раскрывающих содержание вводимых понятий, т. е. мотивированных. Это же качество терминов оказывается полезным и в научно-популярной литературе. Однако, термины, отражающие в своей форме существенные признаки понятий, обычно многословны. Это делает их неудобными для общения, особенно устного, поскольку произнесение многословного термина требует больших затрат энергии, чем произнесение однословного. Кроме того, у таких терминов отсутствует способность к образованию производных, которая является важной характеристикой термина, так как дает возможность обозначать новые понятия, постоянно возникающие в ходе развития любой науки. Очевидно, что в одном знаке невозможно совместить все желаемые качества, которые к тому же иногда противоположны друг другу (например, мотивированность и краткость, мотивированность и способность к деривации и т. д.). Поэтому-то и возникает необходимость в обозначении одного и того же научно-технического понятия несколькими терминами, обладающими разными свойствами и отвечающими разным коммуникативным потребностям человека.

Это первое обстоятельство, оправдывающее присутствие синонимии в терминологии. Но оно не является единственным. Синонимичные термины позволяют также избежать унылости и однообразия научного изложения. Действительно, каждому, кто имел дело с написанием научных работ, знакомо стремление не употреблять часто одно и то же слово или словосочетание, а заменять их синонимичными. Это стремление рас-

пространяется и на терминологическую лексику. Вот некоторые факты использования с этой целью разных терминов для обозначения одного и того же лингвистического понятия у Е. Н. Толикиной, являющейся настойчивой противницей терминологической синонимии (по Е. Н. Толикиной — дублетности), в статье «Некоторые лингвистические проблемы изучения термина», кстати, в той самой, в которой утверждается, что синонимия в терминологии — явление ненужное (в скобках указана частота употребления синонимов): *терминологическая система* (31), *терминологическое поле* (5) и *система терминов* (1); *знаковая система* (6), *семиотическая система* (4) и *система знаков* (3); *лексика* (5), *словарный состав* (4) и *лексические средства* (1); *дублет* (3) и *дублетное название* (1); *план содержания* (2), *содержание* (8) и *обозначаемое* (14) и т. п.

Это стремление разнообразить письменную речь диктуется, вероятно, не только желанием авторов продемонстрировать богатство своего научного словаря, но и объективными причинами, а именно тем, что частые повторения одного и того же мешают восприятию излагаемого материала. Кроме того, немонотонность научного изложения — это одно из стилистических требований, предъявляемых к произведениям такого жанра как статья, монография и т. д. В еще большей степени указанное требование касается научно-популярной литературы, где повествование должно быть свободным, ярким, легко воспринимающимся, а варьирование обозначения как раз и служит этой цели.

Таким образом, оказывается, что синонимам в терминологии принадлежит вполне определенная положительная роль, и, следовательно, отсутствие их в какой-либо терминосистеме не позволило бы ей в полной мере удовлетворять коммуникативные потребности ее пользователей. А это означает, что полное устранение синонимии при упорядочении терминологии функционально ослабит ее, а отнюдь не сделает совершеннее.

Синонимичным терминам ставится в упрек еще и то, что они наносят вред взаимопониманию, поскольку могут быть по-разному истолкованы разными людьми. Такая опасность, действительно, есть. Но она может возникнуть, по-видимому, только в том случае, если в какой-либо терминосистеме синонимов слишком много и человек не в состоянии их все за-

помнить и освоить настолько, чтобы всякий раз соотносить с соответствующим понятием. Значит, научная коммуникация будет проходить без помех тогда, когда количество синонимичных терминов в терминологической системе соразмерно объему человеческой памяти.

Итак, из всего сказанного вытекает, во-первых, что пространственная оценка синонимии как явления, мешающего нормальной работе терминологии, ошибочна; во-вторых, что количество синонимичных терминов в терминосистеме, с одной стороны, должно быть достаточным для выполнения возложенных на них функций, а с другой, не превышать возможностей человеческой памяти; и, в-третьих, что при упорядочении терминологии следует стремиться не к полному устранению синонимии, а лишь к ограничению ее — и только в тех терминосистемах, где она превышает необходимые и достаточные размеры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Данная статья не имеет целью разрешить упомянутые разногласия, поэтому синонимией в ней будут называться все случаи обозначения одного и того же понятия разными способами.

2. Оправданным случаем синонимии в терминологии считает П. В. Веселов обозначение одного и того же объекта по разным признакам в зависимости от области использования этого объекта: лавсан (торговое название), полиэтилентерефталат (химическое название) и терепласт (техническое название) [7]. Но здесь речь идет о терминах, принадлежащих разным терминосистемам, в каждой из которых они не-синонимичны. А проблемы допустимости или недопустимости синонимии в пределах конкретной терминологии и в терминологической лексике вообще — это вещи разные, и смешивать их не следует.

3. Известный факт, свидетельствующий о том, что термины, устанавливаемые ГОСТами и ОСТАми, в реальных научно-технических текстах практически не используются, возможно, объясняется именно тем, что терминологические стандарты ориентированы на потребности только НТД.

4. Для «повышения качества НТД», по-видимому, разумнее было бы установить стандарты не на термины, используемые в ней, а на сами документы. Если же такие ГОСТы уже существуют, то они должны, в частности, регламентировать и языковое заполнение НТД.

5. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

6. Бакулов А. Л. Некоторые вопросы применения методов прикладной лингвистики в терминологической работе. — Научно-техническая терминология: Реферат. сб. М., 1970, вып. 3, с. 32—34.

7. Веселов П. В. Оправданный случай синонимии в терминологии. — Русская речь. 1969, № 5, с. 77—81.

8. Волкова И. Н., Соколова И. А. Цветкова Г. В. Задачи головных организаций, ответственных за терминологическую работу в от-

расли. — Научно-техническая терминология: Реферат. сб., М., 1979, вып. 5, с. 1—6.

9. Гречко В. А. Синонимия терминов. — В сб.: Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1974, вып. 3, с. 147—150.

10. Даниленко В. П., Скворцов Л. И. Лингвистические проблемы упорядочения научно-технической терминологии. — ВЯ, 1981, № 1, с. 7—16.

11. Кутина Л. Л. Языковые процессы, возникающие при становлении научных терминологических систем. — В сб.: Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970, с. 82—94.

12. Лейчик В. М. Термины — синонимы, дублиеты, эквиваленты, варианты. — В сб.: Актуальные проблемы лексикографии и словообразования. Новосибирск, 1973, вып. 2, с. 103—106.

13. Молодец В. Н. Некоторые проблемы терминологической синонимии. — В сб.: Термин и слово. Горький, 1983, с. 11—21.

14. О дальнейшем развитии и совершенствовании в XI пятилетке стандартизации научно-технической терминологии. — Научно-техническая терминология: Реферат. сб., М., 1982, вып. 8, с. 1—9.

15. Прохорова В. Н. Семантика термина. — Вестник Московского ун-та. Сер. 9, 1981, с. 23—32.

16. Прохорова В. Н. Синонимия в терминологии. — В кн.: Семантические проблемы языков науки, терминологии и информатики. М., 1971, с. 471—472.

17. Толикина Е. Н. Синонимы или дублиеты? — В кн.: Исследования по русской терминологии. М., 1971, с. 78—89.

18. Чистяков Н. И. Актуальные вопросы терминологической работы в радиотехнике, электронике и связи. — Научно-техническая терминология: Реферат. сб., М., 1981, вып. 8, с. 7—10.

ВОЗМОЖНОСТИ И ГРАНИЦЫ УНИФИКАЦИИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

С. А. Низовцева

Горьковский НИИ прикладной математики и кибернетики

Среди всех подсистем языка научно-техническая терминология наиболее активно пополняется новыми единицами (по наблюдениям языковедов, около 90% возникающих в языке новых слов — термины). Использование электронно-вычислительной техники в информационном поиске стимулирует развитие терминологической лексикографии — словарей, тезаурусов и других видов справочной и нормативной литературы. Терминологи-практики вынуждены приступать к разработкам словарей для нужд информационно-поисковых систем, не располагая завершенной теорией термина. В таких словарях, как

правило, получают отражение только наиболее устойчивые единицы, прежде всего, исходные, так называемые базовые термины. Фиксирующиеся в словарях единицы имеют обычно простую форму, номинативны, однозначны. Подавляющее большинство таких разработок относится к техническим дисциплинам или к области естественных наук. Явления синонимии, полисемии единиц в этих терминосистемах незначительны и воспринимаются как нежелательные, даже вредные.

Приобретая опыт работы с такими терминосистемами, исследователи распространяют его на всю область терминологии. Взгляд на терминологию с позиций лексикографа породил представление, что терминосистемой может считаться лишь система, зафиксированная в специальных словарях в виде терминов и их определений. Разработки в сфере фиксации терминов, их актуальность и широкое распространение вызвали к жизни идеи унификации и стандартизации терминологии: единицы, фиксируемые в словарях, должны иметь единообразие, упорядоченность, отвечать ряду других требований. В складывающейся науке о термине наметился разрыв между сферами его фиксации и функционирования.

Сейчас большинство терминоведов осознает опасность такого разрыва. Работая с терминологическим словарем, нельзя получить более или менее полного представления о терминосистеме по целому ряду причин. Прежде всего потому, что словарь любого типа — это совокупность единиц, отобранных по воле его составителей. Далее — отбор этот производится в соответствии с тем представлением о термине, какое существует у авторов словаря. Наконец, сама терминосистема не может абсолютно адекватно выражать соответствующую ей систему понятий, так как не для всех понятий выработана окончательная языковая форма (и тем более такая форма, какую принято фиксировать в словарях) — многие понятия существуют в терминосистемах в виде описательных выражений, имеющих синонимы и варианты. Помимо этого, столь важные черты термина, как его воспроизводимость, деривационные способности и многие другие, могут быть обнаружены лишь при изучении функционирования терминологических единиц.

И тем не менее, создание терминологических словарей — проблема сегодняшнего дня. Словари — неотъемлемая часть

современных информационно-поисковых систем, они существуют и будут создаваться в дальнейшем, несмотря на то, что теория терминоведения в ее сегодняшнем состоянии еще не может дать ответы на все вопросы, возникающие при разработке словарей. Задача терминоведов состоит в том, чтобы оказать лексикографам посильную помощь, располагая накопленными знаниями о термине.

В последние годы исследователи стали чаще обращаться к изучению термина в его естественной среде — в научной и специальной литературе. Все более очевидным становится, что категоричность, строгая регламентация в вопросах терминоведения по меньшей мере преждевременны. Отбор для терминологических словарей только наиболее простых и устойчивых единиц не может обеспечить достоверного отображения терминосистем. Краткость термина нельзя рассматривать как главную характеристику при выборе единиц словаря; в него необходимо включать те термины, которые реально функционируют в научной литературе — как одно-, двухсловные, так и многословные. Специального внимания требует проблема унификации и стандартизации терминосистем. Ее решением сейчас заняты многие терминоведы; определенную ясность внесли работы В. П. Даниленко, Л. И. Скворцова, В. М. Лейчика и других авторов. Но использование понятий «стандарт», «унификация» применительно к языковым явлениям вызывает у части исследователей настороженное отношение. Попытаемся уяснить, каковы возможности и границы унификации терминов.

Терминосистема любой области знания развивается вместе с ней, отражая этапы познания человеком осваиваемых объектов действительности. Чем больший путь прошла наука в своем развитии, тем большую часть среди ее терминов составляют «старые», возникшие в предшествующие современному этапы формирования этой науки. Такие термины имеют устоявшуюся, выработанную в процессе длительного отбора форму. Например, в философии существуют ряды терминов, по которым можно проследить теперь путь становления научных понятий (*мировая воля — вселенское волевое начало — мировой разум — бог*). Есть группы оригинальных авторских терминов, связанных с именами великих мыслителей разных эпох. В ходе развития философской науки в ней возникали

различные направления, школы, линии (древнегреческая, китайская, классическая, или английская, немецкая философия, кантианство, гегельянство и т. д.) — терминологии которых также составляют особые группы. Как бы необычна ни была форма таких терминов (не-Я, вещь-в-себе), мы уже не можем повлиять на нее, эти термины — факт науки. Иное дело — возникающие в современную эпоху новые единицы терминосистем. Изучив особенности той или иной системы терминов, выяснив ее основные тенденции, мы можем в процессе отбора наиболее удобной формы термина внести элемент разумного регулирования, подвергнув единицы терминосистемы унификации «путем приведения многообразия форм терминологических единиц к рациональному минимуму» [2]. То есть процесс унификации терминов направлен только на терминосистему в ее современном состоянии, он регламентирует образование только новых терминологических единиц.

Ограниченные возможности унификации связаны также со свойствами самих единиц терминосистем. В терминоведении пока нет строгих критериев определения термина. Многие исследователи считают, что существование термина относительно: в пределах терминологии данной области знания это термин, а вне ее — не термин [4, 5, 10]. В более корректной постановке вопрос «что есть термин» предстает как вопрос — «насколько терминологичен данный знак в данной системе знаков» [10, с. 4]. Большая или меньшая степень терминологичности знака определяется важностью для терминосистемы соответствующего этому знаку понятия — чем актуальнее в системе понятие, тем более терминологичен соответствующий знак. Тот факт, что единицы терминосистем различаются по характеру обозначаемых понятий, отмечают многие исследователи терминологии [1, 3, 7]. Существуют различные классификации терминов по этому признаку, но обычно выделяют следующие виды терминов:

базовые, основные	— простые термины,
производные	— составные термины,
привлеченные	— простые и составные термины.

По-видимому, проводимая внутри конкретной терминосистемы унификация в разной мере применима к этим группам терминов. Прежде всего она будет касаться производных терминов. Базовые и основные — это, как правило, старые тер-

мины, «унифицированные» временем. Унификация же терминов смежных наук невозможна в рамках одной терминосистемы.

Терминологичность знака определяется также степенью выработанности его языковой формы — понятие может быть актуальным, но окончательная форма термина еще не найдена. В таком случае знак в терминосистеме может существовать в виде ряда синонимов или вариантов. Положение с унификацией таких терминов становится наиболее сложным.

Нельзя согласиться с широко бытовавшим до недавних пор мнением, что синонимия нетипична для терминологии, а ее наличие — свидетельство «неупорядоченности содержания терминосистем» [4], их «слабой оформленности и неорганизованности» [9]. Распространение более реалистичного взгляда на терминологию сказывается и на оценке учеными этого явления. Однако диапазон мнений относительно сущности синонимии в терминологии еще чрезвычайно широк — от ее отрицания до приравнивания к общезыковой синонимии.

Наличие синонимов в языке науки говорит прежде всего о степени освоения соответствующей области знания. В таких науках, как лингвистика, философия, синонимия широко распространена. Причины этого — и многовековой путь развития наук, и сложность изучаемых ими объектов. Кроме того, в научной речи термины получают синонимы в соответствии со стремлением к разнообразию речи, к краткости высказывания. Существует определенная специфика синонимии в терминологии, что влияет на различную ее оценку исследователями. В. М. Лейчик рассматривает синонимию как проявление вариантности способов выражения при идентичности или близости планов содержания и выделяет в терминологии явления дублетности, лексической и морфологической вариантности, эквивалентности [6]. Типология синонимов в терминологии по происхождению и по структуре приводится в работах В. Н. Прохоровой [8] и некоторых других авторов. Отмечены особые виды синонимии слов, которые в общелитературном языке в синонимические отношения не вступают — синонимия терминов, выражающих одно и то же явление по разным признакам: щелевые согласные — фрикативные согласные [8, с. 25].

Очевидно, что устранение путем унификации всех синонимов в терминосистемах невозможно. По-видимому, необходимо устранять неоправданные случаи заимствований, ограничивать чрезмерно широкое варьирование единиц, выявлять и устранять то, что противоречит нормам языка.

Здесь будет уместным высказать несколько замечаний по поводу предложенного В. П. Даниленко и Л. И. Скворцовым как «более гибкого критерия оценки терминов» [2] понятия профессионального варианта нормы. Конкретно речь идет об отклонениях от норм литературного языка в употреблении терминов, когда происходит «известная актуализация того, что заложено в системе [языка — С. Н.], но осталось в его «запасниках» [там же, с. 15]. В качестве примеров такой актуализации приводится употребление в профессиональной речи форм *стопорá*, *опухолéй*. По мнению авторов, «развитие специальной лексики языка науки идет не только по общелитературным каналам, поскольку она непосредственнее и теснее связана с объективной действительностью, чем лексика общелитературного языка» (там же). Думается, что причина появления в специальной лексике таких слов-уродов, как приведенные выше, это в большей степени следствие замкнутости коллектива носителей профессионального языка, а отсюда — и более ограниченного воздействия на него общелитературной нормы. То, что справедливо считается отсутствием языковой культуры в общенациональном языке, не должно оправдываться в специальном. Нельзя не учитывать огромного авторитета науки в наши дни. Если считать допустимыми такие явления, они станут проникать в общенациональный язык, и они уже проникают в него из специальной лексики: *средствá*, *квáртил*, *катáлог*, *дóговор* и т. п.

Таким образом, говоря об унификации научно-технической терминологии, необходимо иметь в виду, что ее рекомендации должны основываться на изучении реально функционирующих терминосистем. Унификация направлена на терминологию в ее современном состоянии и призвана регламентировать образование новых единиц. Существуют границы унификации терминологии, связанные со свойствами единиц терминосистем. Унификация не может устранить всех явлений синонимии в языке науки. Пока развивается наука, пока продолжается познание человеком окружающего мира, нельзя ожи-

дать идеального состояния никакой терминосистемы. Возникающие в них новые единицы желательно создавать по типичным для этих терминосистем моделям, но это положение должно иметь характер рекомендации. Результаты работ по унификации терминов найдут большее применение в сфере фиксации терминов — в словарях. В сфере функционирования терминов эти результаты могут служить средством ограничения чрезмерно широкого варьирования терминов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Б р я н и к Н. В. Язык науки как система. — В кн.: Семиотические аспекты научного познания. Свердловск, 1981.
2. Д а н и л ё н к о В. П. Скворцов Л. И. Лингвистические основы упорядочения научно-технической терминологии. ВЯ, 1981, № 1.
3. Итоги науки и техники. Серия «Информатика», т. 2. — Терминология информатики. М., 1977.
4. К у т и н а Л. Л. Языковые процессы, возникающие при становлении научных терминологических систем. — В кн.: Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970.
5. Л е й ч и к В. М. Об относительном существовании термина. — В кн.: Научный симпозиум «Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики». Ч. 2, М., 1971.
6. Л е й ч и к В. М. Термины — синонимы, дублеты, эквиваленты, варианты. — В кн.: Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. 2. Новосибирск, 1977.
7. Л е й ч и к В. М. Оптимальная длина и оптимальная структура термина. ВЯ, 1981, № 2.
8. П р о х о р о в а В. Н. Семантика термина. Вестник МГУ, серия «Филология», 1981, № 3.
9. Т о л и к и н а Е. Н. Некоторые лингвистические проблемы изучения термина. — В кн.: Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970.
10. Ш е л о в С. Д. О языковой природе термина. НТИ, 1982, № 9.

РОДО-ВИДОВЫЕ СВЯЗИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Н. Ю. Русова

Горьковский университет

Логические отношения между терминами, как особая разновидность парадигматических связей, играют существеннейшую роль не только в процессе систематизации и упорядочения терминологических систем, но и при использовании тер-

минологии для построения информационно-поисковых языков, при разработке словарей-тезаурусов. При этом традиционно наибольшее внимание уделяется родо-видовым отношениям [5], позволяющим сравнивать понятия не только по содержанию, но и по объему, а также имеющим «тенденцию к семантико-парадигматической регулярности, т. е. к отображению в форме термина родо-видовых... отношений» [8, с 65]. Именно родо-видовые связи, зафиксированные в информационно-поисковом тезаурусе, являются основой для избыточного индексирования документов и запросов, которое обеспечивает повышение полноты информационного поиска.

Вполне понятно, что информационно-поисковые системы в настоящее время разрабатываются преимущественно в области техники и естественных наук; соответственно в логико-понятийном аспекте оказывается наиболее изученной естественно-научная и техническая терминология. Однако, по-видимому, подходит очередь и наук гуманитарных, в том числе языкознания. Об этом свидетельствует, например, «Тезаурус по теоретической и прикладной лингвистике» С. Е. Никитиной [3], «Тезаурус информационно-поисковый по языкознанию» [6] и другие работы [1, 9].

Данное сообщение посвящено описанию эксперимента по установлению родо-видовых отношений, выполненного на массиве в 1390 лингвистических терминов, причем 534 термина взяты непосредственно из лингвистических текстов (сосредоточенных в журнале «Вопросы языкознания» за 1972—1976 гг.) и послужили исходным материалом, а остальные 856 терминов отбирались по мере надобности из учебников, словарей и справочников. Было построено 40 иерархических деревьев; под иерархическим деревом понимается совокупность терминов двух или более уровней иерархии (начиная с нулевого), связанных родо-видовыми отношениями. Пример иерархического дерева (цифрами обозначен уровень иерархии, в скобках справа от соответствующего термина помещено основание деления исходного родового понятия, в результате которого получен данный термин):

0 1 2

фонетический признак

бемольность (по тону)

диезность (по тону)

долгота (по акустической характеристике звуков)

позиционная долгота (по условиям проявления)
 звучность (по акустической характеристике звуков)
 восходящая звучность (по направлению)
 нисходящая звучность (по направлению)
 максимальная звучность (по полноте проявления)
 интенсивность (по акустической характеристике звуков)
 ларингальность (по способу образования)
 константный фонетический признак (по устойчивости)
 позиционный фонетический признак (по обусловленности
 позиций).

При постановке подобного эксперимента невозможно обойти вопрос о структуре терминов — единиц наблюдения и анализа. Как известно, далеко не редкостью, а объективной языковой реальностью являются многословные термины сложной структуры, например: *система надежд современной русского языка, сравнительная лексикология алтайских языков* и т. д. При установлении родо-видовых связей подобных образований неизбежна множественность решений. Так, термин *сравнительная лексикология алтайских языков* можно с одинаковым успехом подчинить как термину *лексикология алтайских языков*, так и термину *сравнительная лексикология*. Кроме того, привлечение в словарь-тезаурус терминов сложной структуры, в особенности образованных сочетанием нескольких существительных, приведёт к неоправданному и опасному для информационного поиска росту словаря. Как нам кажется, проблема явных или скрытых структурных ограничений неминуемо встаёт перед любым лингвистом, приступающим к анализу парадигматической структуры терминологии. При этом, видимо, более полезно для исследовательских нужд открытое и сознательное постулирование выбранных ограничений.

Исходя из того, что наиболее перспективной для логико-понятийного анализа, а также прикладного использования является терминология фиксированной и достаточно простой структуры, мы отобрали в качестве материала для эксперимента термины — существительные и атрибутивные словосочетания, а также единицы фразеологического типа (*часть речи, член предложения* и проч). По-видимому, выявление родо-видовой структуры этого фрагмента лингвистической терминологии может послужить хорошей основой для дальней-

шего изучения парадигматики терминов более сложного состава.

Первая ступень эксперимента свелась к выделению терминов-синонимов; их оказалось 256, или 18,4% от общего числа терминов—единиц наблюдения. Примеры: *изъявительное наклонение*—*индикатив*—*прямое наклонение*; *дрожжащая согласная фонема*—*вибрант*; *словоизменятельный аффикс*—*формообразующий аффикс*—*формообразовательный аффикс*; *флексия*—*окончание* и т. п.

Далее наступила очередь непосредственного выявления родо-видовых отношений между оставшимися 1134 терминами. Сформулируем некоторые методические приёмы этого процесса.

а) Если один термин был получен путём присоединения прилагательного к другому термину—существительному, то эти два термина считались связанными отношением «вид—род», например: *парадигма*—*абсолютная парадигма*, *существительное*—*абстрактное существительное* и т. д. (см. об этом же в [5]).

При анализе логико-понятийной структуры многословных терминов—атрибутивных сочетаний (из трёх и более слов) в первую очередь определялось семантическое ядро словосочетания; это ядро представляло собой родовое понятие по отношению к термину—словосочетанию, например: *специализированный косвенно-прямой знак*—*косвенно-прямой знак*; *адыго-убыхская диалектная группа*—*диалектная группа*. Чаще всего, таким образом, родовой термин получался в результате отсечения первого прилагательного-определения. Однако в некоторых случаях, при семантической равноценности определений, были возможны варианты; например, к термину *адыгский литературный язык* возможны два родовых термина: *адыгский язык* и *литературный язык*.

б) При установлении родо-видовых связей между однословными терминами иногда полезен морфемный анализ слова. Элементом, который добавляется к термину, передающему родовое понятие, для получения термина, соответствующего видовому понятию, является, как правило, префикс, например: *фонема*—*архифонема*; *редактирование*—*авторедктирование*.

в) Анализ грамматической структуры при установлении родо-видовых отношений помогает далеко не всегда. В неко-

торых случаях можно рекомендовать подбор терминов одного понятийного уровня и исследование их дефиниций [4]. Например, при установлении родо-видовых связей термина *антонимия* была привлечена следующая группа терминов, характеризующих аналогичные явления в лексике: *полисемия*, *синонимия*, *омонимия*. При анализе определений этих понятий выделяется общее для данных терминов родовое понятие *лексико-семантический процесс*.

г) В ряде случаев возможно привлечение терминов-антонимов и терминов-синонимов. Особенно полезно это в случае полисемии исследуемой единицы. Так, на основе анализа определений антонимичных терминов *ассимиляция* и *диссимиляция*, а также привлечения термина-синонима *морфологическая аналогия* термин *ассимиляция* (*фонетическая*) был подчинён термину *фонетический процесс*, а *ассимиляция* (*морфологическая*) — термину *морфологический процесс*.

Термины, омонимичные словам общелитературного языка или терминам других наук, в ряде случаев снабжались пометами: *единица (языковая)*, *категория (языковая)*, *вход (словаря)*, *выход (словаря)*. Пометами дифференцировались также случаи омонимии внутри лингвистической терминологии (см. пример с термином *ассимиляция*).

В результате эксперимента было выделено 40 терминов, не входящих ни в одно иерархическое дерево* (3,5% от общего количества наблюдаемых терминов, за исключением синонимов). В подавляющем большинстве (33 случая) это термины, образованные с помощью атрибутивного распространения от терминоэлементов общенаучного значения, например: *акцентный признак*, *видо-временная система*, *грамматический класс*, *диахроническое исследование*, *межфразовая связь*, *парадигматическая структура*, *синтагматическая классификация* и т. п. Формально все перечисленные единицы имеют родовые понятия, выраженные соответствующим общенаучным термином, однако целесообразность фиксирования подобных родо-видовых связей в терминологическом словаре вызывает очень большие сомнения. Гораздо более существенными и для изучения логико-понятийных отношений, и для информационного поиска являются в данном случае связи указанных единиц с терминами, близкими по семантике соответствующим прилагательным, например: *акцент*, *вид*, *время*, *грамматика*, *диахрония* и проч.

В единичных же случаях выявить родо-видовые связи не удалось; это относится, например, к терминам *билингвизм*, *вход (словаря)*, *выход (словаря)*, *дефинирование*, *диахрония* и некоторым другим.

В качестве «корней» иерархических деревьев или, другими словами, терминов нулевого уровня иерархии было выделено 40 единиц. Построенные иерархические структуры имеют от 1 до 8 уровней иерархии, однако для большинства деревьев характерно наличие 2—3 уровней. 28 иерархических деревьев из построенных 40 имеют от 1 до 10 членов-терминов; 3 дерева — от 11 до 20; наконец, 9 деревьев отличаются очень большой разветвленностью: они насчитывают от 27 до 481 терминов-членов. Корнями иерархических деревьев с небольшим количеством членов оказываются обычно термины, не входящие в центральное семантическое ядро лингвистической терминологии; это, например, такие единицы, как *абзац*, *алфавит*, *балканистика*, *диалектная группа*, *корреляция*, *написание*, *транспозиция*, *этимологический анализ* и т. д. Что же касается деревьев особо разветвлённых, то их корнями являются термины именно из упомянутого семантического ядра; перечислим их, указывая в скобках число терминов-членов соответствующего иерархического дерева: *знак* (27), *член предложения* (35), *языковой процесс* (64), *грамматическое средство* (74), *языковой уровень* (76), *категория (языковая)* (105), *часть речи* (174), *язык* (191), *единица (лингвистическая)* (481). Отметим, что повышенная насыщенность терминами кажется оправданной для всех перечисленных деревьев, за исключением дерева «*единица (лингвистическая)*». Несмотря на то, что в это дерево не введены термины *часть речи* и *член предложения*, в свою очередь являющиеся корнями больших деревьев, дерево «*единица*» всё же насчитывает непомерное количество членов (481). Кроме того, трудно представить себе информационную потребность лингвиста, выраженную столь общим термином. Видимо, при построении словаря стоит пожертвовать в данном случае стремлением к строгой систематизации и вместо одного чрезмерно раздутого дерева дать несколько деревьев, корнями которых будут термины *грамматическая единица*, *лексическая единица*, *фонетическая единица* и проч., а также дихотомическая пара *языковая единица* и *речевая единица*.

Вполне естественно, что деление столь широких и семан-

тически ёмких лингвистических понятий осуществлялось по нескольким основаниям. Все термины внутри иерархических деревьев были сгруппированы прежде всего в соответствии с используемыми основаниями деления исходного понятия. Основания деления лингвистических понятий устанавливались на основе анализа дефиниций терминов в словарях и учебных пособиях. Общее количество выделенных оснований деления — 203; 14 деревьев насчитывают 1 основание деления, 8 деревьев — 2 основания, 5 деревьев — 3 основания, 13 деревьев — 4 и более оснований деления. Наиболее частотными (а значит, и продуктивными) основаниями деления оказались следующие: по функции (использовано при делении 41 лингвистического понятия), по структуре (21 понятие), по происхождению (18 понятий), по хронологии (18 понятий), по способу образования (15 понятий), по месту образования (10 понятий), по регулярности употребления (7 понятий).

Как нам кажется, ещё не часто встречающееся выделение и чёткое фиксирование оснований деления весьма перспективно как для систематизации и внутренней организации терминологии, так и для нужд информационного поиска.

В заключение приведём результаты сопоставительного анализа парадигматической структуры лингвистической и научно-технической терминологии. Базой для сравнения послужили данные о «Тезаурусе научно-технических терминов» под ред. Ю. И. Шемакина [7], собранные А. Н. Куликом [2]. Разница между количеством терминов — единиц наблюдения (без синонимов — 1134) и терминов — членов иерархических деревьев (1428) объясняется тем, что иногда один и тот же термин входил в разные иерархические деревья в силу многозначности своей семантики

Т а б л и ц а

Члены иерархических деревьев	Лингвистические термины	Научно-технические термины
Общее количество терминов разных уровней иерархии и терминов без связей (дескрипторов)	1428 (100%)	14825 (100%)
Термины без связей	2,8%	23,8%
Родовые термины 0 уровня иерархии	2,8%	8,1%
Видовые термины 1 уровня иерархии	14,9%	36,6%
Видовые термины 2 уровня иерархии	20,4%	20,7%
Видовые термины 3 и низших уровней иерархии	59,1%	10,8%

По-видимому, основной причиной значительно большей иерархической организованности лингвистических терминов является монотематичность данного фрагмента терминологии, в то время как «Тезаурус научно-технических терминов» относится к политематическим словарям.

Автор выражает благодарность выпускнице ГГУ 1983 года М. Н. Хрусталевой за помощь в сборе экспериментального материала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Витухновская А. А. О терминологической связи тезаурусов по языкознанию и общей психологии. — В кн.: Проблемы библиографии, библиотековедения и детского чтения, вып. 8. Л., 1976.
2. Кулик А. Н. Информационные сети и языковая совместимость дескрипторных ИПС. М., 1977.
3. Никитина С. Е. Тезаурус по теоретической и прикладной лингвистике. М., 1978.
4. Першиков В. Ф., Станиславская Э. В. Использование дефиниций при установлении парадигматических отношений в дескрипторных ИПЯ. — В кн.: Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976.
5. Прохорова В. Н. Семантика термина. Вестник МГУ, сер. 9. Филология, 1981, № 3, с. 23—32.
6. Тезаурус информационно-поисковый по языкознанию. М., 1977.
7. Тезаурус научно-технических терминов. / Под ред. Ю. И. Шемакина. М., 1972.
8. Толикина Е. Н. Некоторые лингвистические проблемы изучения термина. — В кн.: Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970.
9. Шелов С. Д. Опыт семантического анализа лингвистической терминологии при построении информационно-поискового тезауруса. — Автореф. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. М., 1976.

МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕРМИНОВ

В. Е. Ярнатовская, Г. С. Шипова

Высшая комсомольская школа при ЦК ВЛКСМ
МГПИ им. В. И. Ленина

Известно, что несмотря на многовековое и часто искусственное противодействие, процесс проникновения в терминологическую систему немецкого языка иноязычных терминов, как однословных, так и составных, сложно-сокращённых (аббревиатур) и даже отдельных морфем, является развивающимся и в настоящее время весьма интенсивным.

От параллельного употребления немецких и заимствованных терминообразований наблюдается постепенный переход к терминам иноязычным, а в целом ряде случаев и полная победа последних. Это и понятно, так как расширяющиеся международные контакты способствуют унификации терминологических систем, особенно, в рамках социалистической интеграции стран — членов СЭВ. В связи с этим небезынтересен и тот факт, что заимствованные и, главным образом, интернациональные термины обнаруживают более широкое распространение в национальном варианте немецкого языка ГДР, чем Австрии, Швейцарии или ФРГ, где до сих пор наблюдается стремление сохранить и упрочить свою исконно немецкую терминологию.

В области научно-технической терминологии ученые ГДР ведут в настоящее время значительные изыскания; они считают наиболее актуальными и ставят перед собой следующие задачи:

- упорядочение внутринациональной терминологической системы и частных терминологических подсистем,
- сопоставление терминируемых понятий в разных языках,
- унификация их дефиниций и соответствующих наименований.

Для вхождения иноязычного термина в систему заимствующего языка необходимы определённые условия: оформление его фонетическими и графическими средствами данного языка, так как перенос графически непереоформленной иноязычной лексики в язык с другой письменностью не может считаться заимствованием; соответствующее грамматическое оформление иноязычного термина, т. е. включение его в определённый лексико-грамматический разряд (часть речи) и наделение свойственными ему грамматическими категориями и формами; возможность использования слова или морфемы для дальнейшего словообразования; семантическое освоение заимствованного термина, его нового значения или дифференциации значений между исконным и заимствованным словом; необходимо устойчивое и регулярное употребление в определённой терминологической подсистеме заимствующего языка, так называемое стилевое функционирование.

Под морфологическим оформлением иноязычных терминов понимается наделение их всеми морфологическими кате-

гориями и некоторыми категориальными формами, свойственными, например, немецкому языку: категориями грамматического рода, числа, падежа, определенности-неопределенности у имён существительных, глагольными категориями лица, времени, залога и т. п.

Иноязычный термин приходит в язык не как готовая, грамматически оформленная словарная единица, а, по выражению А. И. Смирницкого, как «бесформенный кусок лексического материала». Термин преобразуется не только фонетически, меняя часто свой звуковой облик, но и приобретает новые морфологические признаки, новые категории.

Одной из характерных морфологических категорий, приобретаемых заимствованными терминами — именами существительными, является в немецком языке, как и в русском, грамматический род. Он обязательно «обслужит» каждое заимствование и является, таким образом, одним из основных грамматических критериев при определении степени ассимиляции иноязычных терминов (при условии их семантической самостоятельности). При этом необходимо знать и учитывать специфику грамматической системы того языка, из которого приходит термин, наличие или отсутствие в нём субстантивной категории рода, её устойчивость и жизнеспособность. Так, например, значительный пласт иноязычных слов вошёл в терминосистему немецкого языка из языков, располагающих стабильной трехродовой (славянские языки, латинский) или двухродовой системой (романские языки). Сохранится ли их родовое оформление в немецком языке? Если нет, то каким закономерностям подчиняется закрепление той или другой формы рода?

С этой точки зрения выделяются две обширные группы иноязычных терминов: сохранившие первоначальное родовое оформление и изменившие его в немецком языке.

Среди заимствований, достаточно прочно удерживающих свой род, выделяются термины из славянских языков, в частности, русского, затем следуют латинские, французские, итальянские и другие романские термины. Так, например, широко употребляемые в немецком языке русские общественно-политические термины: совет, субботник, спутник, луноход и другие сохраняют в немецком языке свой мужской род, так же, как и пришедшие из романских языков: *die Form, Bilanz, Brigade, der Profit, Kredit, das Studium*.

Как показало исследование, сохранение морфологической категории рода (КГР) происходит не само по себе, а на основе формально-грамматических или лексико-семантических признаков: сходства определённых суффиксов, единообразных во многих индоевропейских языках, включения заимствованных слов в лексические группы, оформленные общим грамматическим родом в обоих языках. При этом сохранение КГР наиболее последовательно происходит в группе существительных одушевлённых, обозначающих человека вне зависимости от пола — все они имеют мужской род: *der Bolschewik, Kolchosnik, Komsomolze, Tschekist, Kulak* — из русского языка; *der Cicerone, Soldat, Spion, Hidalgo* — из романских языков.

Изменение или переосмысление КГР иноязычных терминов происходит под влиянием морфологической системы немецкого языка, изменения облика слова, его структуры (наличие или утрата суффикса) и т. п., например, имена мужского рода, пришедшие из романских языков и сохранившие или получившие в немецком языке суффикс *-e*, вошли в группу женского рода: *die Flange, Attacke, Rolle, Sabotage, Periode*.

Иноязычные термины со значением собирательности получают в немецком языке средний род независимо от их первоначальной родовой принадлежности: *das Möbel, Metall, Gros, Dutzend* — были во французском языке мужского рода; *das Batallion, Regiment, Chetto* — в итальянском языке — мужского рода.

Наибольший интерес, однако, представляют заимствования из языков, не имеющих в своей грамматической системе категории рода: из английского, тюркских, финно-угорских и некоторых других.

Известно, что основной поток заимствований в области общественной жизни, науки и техники, торговли и спорта шёл из английского языка. Попадая в систему немецкого языка, английские термины преобразовались по её грамматическим законам, получая все частные субстантивные категории, способность изменяться по падежам одного из типов склонения. Они включаются в определённую родовую группу, так как в немецком языке не может быть существительных вне грамматического рода.

Значительная часть английских терминов получает грамматический род в зависимости от внешнего оформления, своей структуры, так как ряд суффиксов и окончаний, главным образом, общегерманского происхождения совпадает с формантами КГР немецких существительных и получает соответствующее родовое оформление, например, с суффиксами -ing, -e, -er: der Blooming, Camping, die Lokomotive, der Tender.

Другая часть внедровых английских слов оформляется в немецком языке грамматическим родом на основе семантической близости с немецкими именами или словами-синонимами определенного грамматического рода: der Waggon = der Wagen, das Office = das Büro, Diplom = Zeugnis, Festival = Festspiel, der Streik = der Aufstand.

Сравнивая родовое оформление заимствованных английских терминов в русском и немецком языках, мы видим, что такие, например, слова, как митинг, локомотив, Уолстрит, получают в русском языке мужской род на базе формального признака, окончания на твёрдый согласный. В немецком же языке родовая детерминация этих терминов происходит иным путем: das Meeting — средний род по назначению — идее собирательности, в то время как формальный признак — суффикс -ing игнорируется; die Lokomotive — наоборот, получает женский род по суффиксальному оформлению -e; die Wallstreet — женский род по семантической аналогии с немецким die Strasse.

Однако следует отметить, что большинство английских терминов оформляется в современном языке мужским родом: der Import, Export, Rekord, Sport, Start.

Подобный факт наблюдается во французском языке, где 94% англицизмов — мужского рода и лишь 6% — женского рода.

В результате некоторого совпадения структуры иноязычных терминов или недостаточной выраженности формально-грамматических признаков возникает так называемая родовая вариативность, т. е. отнесение к двум формам рода, например: der, das Meter, Liter, Pult, Traktat; der, die Muskel, Nummer, Kren.

К трём формам рода относится русское слово «колхоз».

Варьирование грамматического рода тесно связано с региональными и диалектными особенностями, например: das Radio — немецкий вариант, der Radio — швейцарский; das

Interesse — литературный вариант, die Interessé — саксонский — разговорная форма.

Факт регулярного и последовательного оформления всех иноязычных терминов грамматическим родом свидетельствует об ответственной десигнативной функции, выполняемой КГР на морфологическом уровне, и подчеркивает ее продуктивный и универсальный характер на уровне терминообразования.

Оформление заимствованных терминов формами множественного числа обычно хорошо описывается в нормативных грамматиках. Это, главным образом, немецкие суффиксы -е, -en, присоединяемые к латинским, греческим и части французских заимствований, суффикс -s, оформляющий множественное число большинства английских и части французских слов.

Однако следует подчеркнуть наличие многочисленных вариантов форм множественного числа иноязычных терминов, например: Magneten — Magnete, Krane — Kräne, Tofre — Törfe, Blöcke — Blocks.

Наличие умлаута манифестирует тенденцию к изменению заимствованных слов по законам немецкого языка. Варианты с суффиксом -s имеют предпочтительное употребление: Ballons, Balkons, Binokels, Tunnels, Kartons. Из 100 опрошенных информантов 95 высказалось в его пользу, лишь 1 — в пользу суффикса -е и 4 высказались за равноправное употребление обоих. Ср. также варьирование формы множественного числа марок автомобилей: 2 Wolga — 2 Wolgas, 2 Ladas, 3 Trabanten — 3 Trabants.

Отмечаются случаи и тройных вариантов множественного числа: Kubus — Kubusse — Kuben.

Среди иноязычных терминов мужского рода сохраняется колебание между слабым и сильным склонением: des Magneten — des Magnets, des Nerven — des Nervs. Имеются и бесфлексные формы родительного падежа — des Kasus, Kodex, Atlas.

Как было сказано выше, в немецкую терминологическую систему проникло большое число словообразовательных морфем из других языков, только из латинского и греческого около 500. При этом преобладают латинские словоэлементы, из греческих \approx 160. Они подробно рассматриваются в недавно вы-

шедшей в ГДР книге коллектива авторов Дрезденского Технического университета под руководством Вернера, Райнхарда, главным образом, с точки зрения их содержания и использования («Deutsche Fachsprache der Technik» VEB Verlag Enzyklopädie Leipzig, 1978).

Процесс развития терминообразовательных аффиксов, их возникновения, перехода из других языков, их продуктивности вслед за В. Фляйшером можно назвать морфологической динамикой в терминообразовании. Специальный интерес представляет так называемая «морфематизация заимствованных элементов» (терминология В. Фляйшера). Наблюдается появление новых аффиксальных морфем на основе заимствования, например: префиксы *mini-*, *taxi-*, *kosmo-* / *Minilok*, *-wagen*, *-preis*, *-spion* (подслуш. аппарат).

Даже части заимствованных слов превращаются в терминообразовательные морфемы и функционируют как словообразовательные аффиксы, например: часть слова *-tron* из целого *Elektron*. Будучи переосмысленным как суффикс, он выступает в новых терминах: *Robotron*, *Phasatron*, *Cellatron* и др.

Словоэлементы научно-технической терминологии современного немецкого языка, заимствованные из латинского и греческого, представляют собой, таким образом, наиболее продуктивные словообразовательные морфемы или комбинации морфем, способствующие упорядочению и унификации современных терминологических систем.

В терминологической системе немецкого языка, где широко используются словосложение и словопроизводство, кроме иноязычных терминов, представлена группа слов-терминов, образованных из исконно немецких и заимствованных элементов, так называемые *Mischbildungen* — «смешанные образования»: *Anti* — *-Stellung*, *-Form*, *-Körper*, *Interflug*, *Ultraschall*, *Mikrowellen*, *Quasiteilchen*, *Superfeinschnitt* и, по аналогии с *Bibliothek* — *Diskotek* — смешанное образование *Spieldiothek*.

Таким образом, иноязычные термины и словоэлементы, проникшие в немецкий язык и сыгравшие значительную роль в развитии и обогащении его терминологической системы, не лишили её своей специфики и не оказали существенного влияния на её грамматическое оформление. Попав в систему немецкого языка, иноязычные терминологические заимство-

вания преобразуются не только фонетически и графически, но и подчиняются грамматическим правилам и законам, приобретая новые морфологические признаки, активные морфологические категории.

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО И ОБЩЕЛИТЕРАТУРНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ (на материале неологизмов французского языка)

Л. И. Чернобай

Московский государственный педагогический институт
им. В. И. Ленина

Важным аспектом изучения терминологии является вопрос о многообразных связях терминологии с системой общелитературного языка. Лингвистами отмечается тот факт, что при изучении терминосистемы нужна «многосторонняя языковая картина терминов—лексическая, словообразовательная, морфологическая, синтаксическая, логико-семантическая» [1, с. 65].

Мы сделаем попытку частично осветить этот вопрос, сравнивая словообразовательные средства, присущие терминологии и общеупотребительной лексике (ОЛ). Речь пойдет, в частности, о препозитивных формантах, участвующих в образовании неологизмов во французском языке. Известно, что терминологические системы складываются на базе национального языка и, следовательно, в них действуют те же законы, которые присущи лексической системе общеупотребительного языка (ОЯ). Наблюдается постоянное взаимодействие терминологической и ОЛ. В настоящее время нельзя, очевидно, достаточно полно представить тенденции развития общенационального языка, не учитывая его терминологической системы. Известно, что именно терминологическая лексика является главным источником пополнения и расширения словарного состава любого высокоразвитого национального языка, в том числе и французского [2], что, несомненно, является результатом научно-технического прогресса. Отсюда вытекает необходимость выявить, какие словообразовательные модели и (что для нас является наиболее важным) какие

словообразовательные форманты ОЯ используются в терминологической системе, каков характер ее взаимодействия с ОЯ.

Таким образом, в данной статье мы ставим задачу выявления некоторых препозитивных морфем ОЯ, используемых в терминологии, и некоторых специфических деривационных препозитивных морфем, действующих в той или иной терминологии. При этом мы исходим из того, что «лексикологический и семантический анализ терминов, а также опыт общей лексикографии свидетельствует в пользу того, что термин есть функция, вид употребления лексической единицы, но не особый тип лексических единиц» [2, с. 68]. Мы сознательно используем сущностно неопределенный термин «препозитивные форманты» для наименования частотных начальных морфем, участвующих в новообразовании терминов, уточнение которых выходит за рамки поставленных задач. Так, препозитивными формантами или морфемами мы называем то, что в лексикографических трудах именуется «элементом». В то же время необходимость определения статуса препозитивных морфем (в случае, если имеются еще колебания относительно их морфологического статуса) лишний раз подчеркивает, что терминосистеме присущи общелингвистические проблемы, решение которых во многом способствует определению тенденций развития как общелитературной, так и терминологической лексики.

Анализ неологизмов-терминов показывает, что в их образовании участвуют (равно как и в образовании неологизмов ОЛ) три типа препозитивных морфем:

1) подлинные (чистые) префиксы:

a— *aggravation*, n. f.

analergisant, adj.

anavenin, n. m.

re, ré, r— *revasculariser*, v. tr.

recristallisation, n. f.

dé— *désaminer*, v. tr.

détoxication (biol.)

dépavaffinage, n. m. (techn.)

é— *ébuller* (techn.)

éveinage, n. m. (méd.)

2) препозитивные морфемы, коррелятивные свободно функционирующим служебным словам-предлогам и наречиям:

non-métal, n. m. (géol.)
pseudo-fécondation, n. f. (bot.)
contre-filon, n. m. (géol.)
sous-tension, n. f. (électr.)

3) препозитивные морфемы греко-латинского происхождения. На примере некоторых из них, участвующих в образовании терминов и нетерминов, посмотрим, имеют ли они сугубо специфическое значение, употребляясь в той или иной терминологии.

pré- (du lat. «proe»—devant, en avant)

Этот формант образует неологизмы в общеупотребительной лексике со значением «предшествование во времени и пространстве»:

prépublication, n. f.
prérentrée, n. f.
pré-métro, n. m.
pré-parc, n. m.

В значении «предшествование во времени» эта морфема употребляется и в терминах:

préordre, n. f. (mat.)
préhominién, n. m. pl. (science)
pré-anesthésie, n. f. (méd.)
pré-correction, n. f. (techn.)

Формант péri- (du gr. péri-autour de) в значении «вокруг, около» образует неологизмы как в общеупотребительной лексике:

péri-scolaire, adj.; péri-urbain, adj., périnatal, adj.,

так и в терминологической:

péritectique, adj. (techn.)
périphyton, n. m. (bot.)
périphlébite, n. f. (méd.)
péri-informatique, n. f. (techn.)

Можно было бы привести аналогичные сопоставления с другими формантами, pro, super, mono, multi и др.

Подобный анализ терминологии и общеупотребительной лексики свидетельствует об отсутствии каких-то специфичес-

жих словообразовательных свойств, присущих только терминологии, о том, что нет специального языка терминов, а есть только сфера функционирования (употребления) отдельных формантов, о чем будет сказано ниже.

Наличие синонимичных и антонимичных препозитивных формантов, участвующих в новообразовании терминов: *cryo-frigo*; *proto-pré*; *semi-quasi* (синонимичные форманты); *exo-endo*; *hétéro-homo*; *mono-poly* (антонимичные форманты) — подтверждает тезис о тенденции термина к систематичности, о том, что он «должен быть и лексически, и морфологически сугубо систематичен, способен к образованию производных и максимально парадигматичен в плане нормальной и типовой парадигмы» [4, с. 54].

Анализ неологизмов-терминов позволяет выявить ряд начальных форм, которые участвуют в образовании слов, относящихся к различным отраслям науки и употребляющихся в них с одним и тем же значением. Эти слова строят четкие терминологические ряды, связующим звеном в которых и является препозитивный формант:

cryo- (du gr. «*Kruos*»-froid): *cryanestésie*, n. f. (мéd.); *cryophile*, adj. (bot.); *cryoconducteur*, trice, adj. (techn.);

exo- (du gr. *exô-au-dehors*): *exodontie*, n. f. (мéd.); *exosphère*, n. f. (did.); *exothèrme*, adj. (zool.);

oligo- (du gr. «*oligos*»—peu, peu nombreux): *oligocrânie*, n. f. (мéd.);

oligomère, adj. (chimie); *oligolécithe*, adj. (biol.).

Подтверждая тезис о взаимодействии терминологической и общелитературной лексики, можно сказать о том, что иногда в сферу общего употребления проникают форманты, которые используются для создания терминов. Это явление, которое приводит к образованию новых слов типа *oligocapitalisme s. m.*, *paléogaullisme s. m.*, можно рассматривать как проявление тенденции к детерминализации словообразовательных формантов.

Наряду с формантами, которые встречаются в новообразовании терминологической и ОЛ, существуют и такие, которые свойственны только какой-либо определенной терминологии. Например, в химической терминологии употребляется формант *alkyl*, который обозначает, что в соединении присутствует предельный углеводородный радикал. Элемент *silicio*

обозначает присутствие кремния в соединении. В медицинской терминологии употребляются морфемы *cardio*, *entéro*, в биологической *phyto* и т. д.

Таким образом, анализ неологизмов-терминов позволяет сделать вывод, что нет оснований говорить о специальном терминологическом словообразовании. В то же время надо отметить, что в терминологии существует собственный фонд терминологических препозитивных словообразовательных морфем, основная сфера использования которых представлена определенной отраслью науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головин Б. Н. О некоторых проблемах изучения терминов.— В сб.: Термин и слово. Горький, 1981.
2. Gilbert L. La spécificité du terme scientifique et technique. *Langue française*, n. 17, p. 1971.
3. Гак В. Г. Асимметрия лингвистического знака и некоторые общие проблемы терминологии.— В сб.: Семиотические проблемы языков науки. Терминологии и информатики. М., 1971.
4. Реформатский А. А. Что такое термин и терминология.— В сб.: Вопросы терминологии. М., 1961.

СЛОЖЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Л. И. Ручина

Горьковский университет

Стремительный рост научных исследований сопровождается дифференциацией, интеграцией, образованием понятий и оформлением их словесной оболочкой — термином. Тенденция в развитии системы научных, научно-технических, производственных понятий и соответствующей ей системы терминов регулируется потребностью их адекватности. Наряду с традиционными задачами изучения терминов как особого лексико-семантического пласта языка в их соотношении с другими языковыми категориями и единицами языка возникли прикладные проблемы, связанные с использованием терминов в качестве лексических единиц информационных языков, с формой представления терминов в переводных терминологических словарях.

Существует ряд направлений в изучении семантических аспектов терминологии: описание значения термина с по-

рошью набора дифференциальных и интегральных признаков, выявление логико-семантических связей внутри составного термина и между терминами, построение инвентарных семантических метаязыков. Возможны и иные подходы к изучению составных терминов на логико-понятийном уровне. Так, остается нерешенной проблема членения многословных терминов. «Методика стандартизации научно-технической терминологии» предлагает членить многословные термины на термины, меньшие по объему, при этом не указывая на языковые и логические условия такого членения. Необходимость членения прежде всего связана с использованием терминов в качестве лексических единиц информационных языков. Логично было бы использовать в информационных языках многословные термины, не расчленяя их. Но при таком подходе возникают трудности. Довольно часто вызывает затруднение отграничение составных терминов от синтаксического объединения отдельных терминов. Кроме того, не всегда возможно включить в тезаурус большое количество многословных терминов, так как они выражают узкие понятия и их включение приводит к неоправданному росту тезауруса. Появляется проблема оптимального членения многословных терминов.

По-видимому, выяснение закономерностей членения составного термина связано с выяснением закономерностей его образования. Если учесть «понятийность» семантики термина и то, что информационный язык моделирует пространство понятий, а не систему естественного языка, становится очевидной необходимость выявления закономерностей образования составных терминов на логико-понятийном уровне. Механизм образования составного термина, в основе которого лежит сцепление уже существующих терминов (а вместе с тем и выражаемых понятий), можно назвать терминосложением в отличие от терминообразования, которое опирается на лексические и грамматические закономерности соединения слов в составном термине.

Принимая во внимание связь логики и грамматики, можно предположить, что сложение составного термина связано с типом его морфологической структуры. Связь языка и мышления, по-видимому, обуславливает наличие языковых категорий, соотносимых с категориями логики. В конечном счете, и логика, и язык есть отражение человеком реального мира.

«Пусть эти соотношения грамматического членения языка с предметным членением мира оказываются не прямыми, а часто как бы сдвинутыми, пусть грамматический строй не очевидно и не строго с точки зрения логики повседневного здравого смысла соответствует категориям мышления и сознания, — все же существуют и хорошо просматриваются соответствия грамматики, действительности и сознания» [1, с. 80]. В терминах связи языка и мышления проявляются особенно отчетливо. Во-первых, потому, что «термин — слово с понятийной семантикой» [1, с. 77], а во-вторых, между компонентами составного термина, как правило, существуют логические связи, обусловленные логическими связями терминируемых понятий. В образовании составного термина на языковом уровне участвуют части речи (главным образом существительные, прилагательные, предлоги), падежные категории. В этих языковых категориях отчетливо осознаётся связь с реальной действительностью и категориями логики. Характеризуя категорию падежа имени существительного, В. В. Виноградов писал: «В падежных формах отражается понимание связей между предметами, явлениями, действиями и качествами в мире материальной действительности» [2, с. 139]. Следовательно, можно предположить наличие зависимости между логико-понятийной структурой составного термина и его морфологическим построением. В таком случае выявление закономерностей сложения составных терминов может опираться на сопоставление морфологической и логико-понятийной структуры. Сложение терминов будет зависеть от их длины: чем длиннее термин, тем больше вариантов сложения он допускает ввиду ослабления семантических связей между компонентами.

Чтобы обнаружить типы сложения многословных терминов различной длины, выявить зависимость между сложением составного термина и его морфологическим построением, было рассмотрено 1870 лингвистических терминов: 500 двухсловных, 500 трехсловных, 500 четырехсловных; 250 пятисловных, 120 шестисловных. Анализируемые лингвистические термины отбирались из журналов «Вопросы языкознания», изданных за последние двадцать лет. Языковая структура составных терминов описывалась частями речи, кроме того, указывался падеж существительного. Направление синтаксических связей

не учитывалось. Таким образом, принимались во внимание морфологические категории частей речи и падежи. При описании морфологической структуры составного термина не дифференцировались сочетания «прилагательное + существительное» и «причастие + существительное», и те и другие символически обозначались П — С. Существительные в именительном падеже в символьных выражениях морфологических структур обозначаются буквой «С» без подстрочного символа. Символ, указывающий на падеж, является первой буквой его названия. Например, морфологическая структура термина «ударение в сослагательном наклонении литовского языка» описывается моделью СвПС_пПС_р. Предлоги сохраняются в модели составного термина. Вводится понятие обобщенной морфологической модели. Эта модель описывает только знаменательные части речи, падежи не указываются. Для приведенного примера обобщения морфологическая модель будет: СПСПС. Более простые по структуре термины, которые можно обнаружить в составе многословного термина, назовем терминами-слагаемыми. Чтобы обозначить варианты сложения составных терминов, приняв во внимание число слагаемых, количество слов в каждом из слагаемых и порядок следования слагаемых, использован буквенный способ обозначения. Слова в составе многословных терминов обозначаются заглавными буквами А, В, С, Д, Е, К. В таком случае термины-слагаемые обозначаются или одной буквой, или сочетанием букв. В соответствии с вариантами сложения выявлялись варианты логико-понятийной структуры составных терминов, описываемые основными логическими категориями: предмет, процесс, свойство, признак, область распространения предмета, процесса или свойства — и логическими отношениями: объектными, определительными, субъектными, объектно-определительными, субъектно-определительными, обстоятельственными. Один и тот же составной термин может иметь несколько вариантов сложения и соответствующих вариантов логико-понятийной структуры. Для примера рассмотрим термин «развитие словарного состава современного русского языка». Для этого термина возможны варианты сложения: А — ВС — ДЕК, А — ВСДЕК, АВС — ДЕК. В соответствии с вариантами сложения логико-понятийная структура может быть описана формулами: «процесс — (признак — предмет) — /признак — (признак — предмет) /, процесс — / (признак — пред-

мет) — (признак—признак—предмет)/, /процесс—(признак—предмет) /— /признак — (признак—предмет) /. Варианты сложения, характерные для группы терминов, образуют тип сложения. Анализ сложения лингвистических терминов показывает, что существует тенденция зависимости между сложением термина и его обобщенной морфологической структурой, а в рамках обобщенной морфологической структуры типы сложения соотносятся с предложно-падежными вариантами. Например, термины морфологической структуры СПСП, независимо от реализованных предложно-падежных вариантов, обнаружили сложение по формуле АВ — СД. Для терминов обобщенной морфологической структуры СПСП оказались возможными три варианта сложения: А — В — СД, АВ — СД, А — ВСД («классификация гласных румынского языка»). У терминов обобщенной морфологической структуры СПСП типы сложения оказались связанными с предложно-падежными вариантами морфологического построения. Так, для терминов морфологического построения СПС_рПС_р и СПС_{рв} ПС_д («вариативность языковых средств русского языка», «варианты падежных аффиксов в алтайских языках») оказались возможными варианты сложения А — ВСДЕ, А — ВС — ДЕ. Термины морфологической структуры СПС_рпо ПС_д («построение устного высказывания по двучленной модели») обнаружили варианты сложения: А — ВС — ДЕ, АВС — ДЕ, АВС — (А)ДЕ. Последний вариант описывает сложение путем стяжения двух терминов, имеющих общий элемент. Сравнение типов сложения терминов разной морфологической структуры говорит о наличии связи между сложением термина и его морфологическим построением. Связь морфологического построения и сложения терминов не означает их однозначного соответствия. Так, количество вариантов сложения уменьшается в связи с присутствием в составе термина лексически или логически неразложимых сочетаний: «часть речи», «имя существительное», «связь примыкания», «категория переходности» и т. п. При анализе лингвистических терминов активным оказалось сравнительно небольшое количество моделей обобщенной морфологической структуры для терминов определенной длины, а в пределах обобщенной структуры наблюдалась активность двух-трех предложно-падежных вариантов. Так как варианты сложения оказались связанными

морфологическим построением составного термина, обнаружались более и менее активные типы терминосложения.

Логико-понятийная структура составного термина, а в особенности характер отношений между слагаемыми, во многом зависели от присутствия в термине отглагольных существительных и от наличия определенных падежей. В лингвистических терминах наиболее активным оказался родительный падеж, достаточно часто использовался предложный падеж в сочетании с предлогом «в». Отглагольные существительные довольно часто встречались в рассмотренных терминах, обуславливая объектные отношения между слагаемыми. Компоненты в предложном падеже, как правило, указывали на сферу распространения объекта, свойства или процесса, что приводило к обстоятельственным отношениям между слагаемыми.

Принимая во внимание связь сложения термина с его морфологическим построением, выявление типов сложения составных терминов определенной области знания позволяет в дальнейшем частично алгоритмизировать процесс членения составных терминов, опираясь на определенные типы морфологической структуры. Выбор оптимального членения может опираться на выбор определенного варианта сложения и соответствующего ему варианта логико-понятийной структуры. Например, присутствие объектных и обстоятельственных отношений в логико-понятийной структуре составного термина отчетливее определяет характер связей между слагаемыми (а следовательно и между элементами понятий), чем присутствие объектно-определятельных отношений. Так как отглагольные существительные обуславливают наличие объектных отношений в логико-понятийной структуре составного термина, отглагольные существительные и определенные предлоги (в лингвистических терминах, например, предлог «в» в сочетании с предложным падежом существительного) могут служить формальными опорами при выборе варианта членения составного термина. В то же время данные анализа типов сложения могут быть использованы для выдачи рекомендаций о целесообразности того или иного варианта членения. Так, по-видимому, далеко не всегда следует членить составной термин на максимально возможное число слагаемых.

Дальнейшее выявление типов сложения многословных терминов, основанное на анализе фактического материала,

позволит разработать методику членения многословных терминов при использовании их в качестве лексических единиц тезауруса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание. М., 1979.
2. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972.

РЕГУЛЯРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ТЕРМИНА В СОСТАВЕ НАУЧНОГО ЗАГЛАВИЯ

И. И. Бирагова

Горьковский НИИ прикладной математики и кибернетики

Для многих практических приложений терминоведения, в частности в ИПС при поиске информации, важным оказывается вопрос изучения термина или терминологических словосочетаний в текстах различных документов. В данной работе изучались термины в заголовках научных статей.

По внелингвистической соотнесенности научный заголовок выражает научное, профессиональное или производственное понятие. Речевое выражение понятий — это термины. Соотнесенность научных заголовков с терминами определяет лексику заголовков и характер функционирования в них лексических единиц. В реальных научных заголовках функционируют многословные термины [1, с. 26]. Термины или терминологические словосочетания (ТС) — информативная часть заголовка. Проведенный лексико-грамматический анализ 1000 заглавий научных статей обнаружил регулярность, стандартность преобразования ТС в заглавие. Рассматривались заголовки из журналов «Вопросы языкознания», «Радиофизика», «Филологические науки», «Химическая промышленность», РЖ ВИНТИ «Химия».

Явления регулярных преобразований термина или ТС в составе научного заглавия обнаруживаются, во-первых, в четком распределении лексики по двум неравным пластам (большой пласт терминов и ограниченный конечный словарь нетерминов), во-вторых, в лексико-грамматической унификации отдельных речевых фрагментов в синтагматической це-

ючке заголовка. В некоторых случаях лексико-морфологическая унифицированность сопровождается позиционной закреплённостью этих фрагментов.

Основная, информативная часть лексики заглавий — специальные термины, среди которых можно выделить пласт номенклатурных наименований. Наблюдается тенденция позиционной закреплённости номенклатурной лексики и в конце речевой цепочки заголовка, например: *О методе лексикологического изучения текста «Слова о полку Игореве»*; *Новый способ деполимеризации дициклопентадиена*. В лексику научных заголовков включаются общенаучные термины и не-большой словарь общеупотребительных слов.

В массиве из 1000 заголовков выявлено несколько вариантов регулярных преобразований специального термина в заглавие.

1. Термин или ТС в исходной словарной форме становится заголовком. Это наиболее простой по синтаксической организованности и семантической цельности вариант заголовка. По употребительности — малоупотребительный тип научного заглавия (*Суффикс -ин-а с усилительным значением*; *Стереорегулярные полимеры*; *Инфразвуковые волны в атмосфере земли*).

2. Специальный термин или ТС подвергаются лексико-морфологическим изменениям: ставится в предложном падеже первое слово или словосочетание ТС. Употребление других косвенных падежей в заголовке, состоящем только из специального ТС, в массиве не обнаружено (*О лингвистических универсалиях*; *О функциональном базисе речи*).

3. Специальные термины вступают в семантическую и синтагматическую связь со словами других разрядов заголовочной лексики: общенаучной и общеупотребительной. Образуется речевое, функционально ориентированное единство — научный заголовок. Специальный термин или ТС в таких заголовках не перестают быть номинативным единством и не теряют своих семантических функций, но логико-понятийное содержание в них становится более выразительным, логически оттененным (*Некоторые вопросы теории словообразования*; *О новых исследованиях по истории русского литературного языка*; *О некоторых особенностях образования падежных форм в тюркских языках*). Лексико-морфологическая

форма начального слова или словосочетания выделенного типа заголовков может играть различительную роль для продуктивных и малопродуктивных, менее употребительных явлений, наблюдаемых в лексико-грамматическом строе научных заглавий. Лексико-грамматический анализ показал, что наиболее употребительна и продуктивна форма именительного падежа единственного или множественного числа начального слова или словосочетания заголовка. На первой позиции синтагматической цепочки в таком варианте заглавия стоит, как правило, общенаучное или общеупотребительное слово. Специальное ТС вступает в грамматическую подчинительную связь с общенаучными и общеупотребительными словами заголовков (*Опыт типологической характеристики лексико-семантических систем; Проблема детерминативов в индоевропейском и общегерманских языках; Нерешенные вопросы теории актуального членения*). Из 1000 обследованных наименований 668 имеют в качестве начального слова словоформу в именительном падеже.

4. Менее употребительными типами заголовков по сравнению с заголовками, выделенными в п. 3, являются заглавия статей, имеющие начальное слово или словосочетание в дательном или предложном падежах. В массиве из 1000 заглавий 102 имеют форму дательного падежа и 178 форму предложного падежа начального слова или словосочетания (*К вопросу о частотной корреляции волн в среде с крупномасштабными случайными неоднородностями; К проблеме разграничения предлога и союза; О роли антиформант в образовании речевого спектра; О некоторых проблемах химии полимеров с системой сопряжения; О методах квантовой теории поля в динамике линейных стохастических систем*). Родительный падеж первого заголовочного слова малоупотребителен и характерен только для гуманитарной тематики, в массиве встретился 13 раз (*Из истории словацкого языка; Из истории диалектных границ в северной России*).

5. Наблюдается тенденция в позиционной закреплённости отдельных речевых фрагментов заголовка в синтагматической цепочке. Номенклатурная лексика помещается, как правило, в конце заголовка (*Непрерывный метод получения алкилсульфонатов; Взаимоотношение языкового и параязыкового факторов в романе Л. Н. Толстого «Воскресение»*). Общена-

чая и общеупотребительная лексика, активно используемая в заголовках, создает речевые конструкции, которые превращают терминологическое словосочетание в функционально ориентированное, делает заголовком. Выявлены наиболее активные фрагменты заголовков (*вопрос, к вопросу, нерешенные вопросы, несколько вопросов, исследование, теоретическое исследование, заметки, несколько замечаний, к теории, к проблеме, о некоторых особенностях, об одном аспекте, об одном классе задач, постановка, об одной постановке, разработка*). Данная лексика — разряд отвлеченных слов, выражающих различные восприятия и оценку явлений, а также и субъективные затруднения в их правильном определении. Это слова и словосочетания — общественно осознанные и закрепленные традицией употребительные речевые обороты, которые служат приметой, маркером научного заглавия. В синтагматической цепочке заглавия эта лексика располагается на первых позициях и образует различные комбинации со специальной терминологией. (*К вопросу об армянском консонантизме. По поводу армянского консонантизма. Об армянском консонантизме. Еще раз об армянском консонантизме. Заметки по поводу армянского консонантизма*).

6. В массиве прослежена система типичных применений отдельных лексем. На основе экспериментальных заголовков составлен лексико-морфологический словарь для слов: *вопрос, задача, проблема, теория* и т. п. Приводим фрагмент словаря:

(*вопрос — к вопросу — о вопросе — вопросы — к вопросам — о вопросах; гипотеза — о гипотезе — гипотезы; задача — о задаче — задачи — о задачах; заметки — несколько заметок; изменение — об изменении — изменения; использование — об использовании; исследование — к исследованию — об исследовании — исследования; итог — итоги — к итогам — об итогах; критерий — критерии; определение — к определению — об определении; принцип — к принципу — о принципах — принципы — к принципам — о принципах; проблема — к проблеме — о проблеме — проблемы — к проблемам — о проблемах; пути; развитие — к развитию — о развитии; расчет — к расчету — о расчете — расчеты — к расчетам — о расчетах; состояние — к состоянию — о состоянии; способ — к способу — о способе — способы — к способам —*

— о способах; теория — к теории — о теории — теории — к теориям — о теориях; типология — к типологии — о типологий; характеристика — к характеристике — о характеристике — характеристики; учет — об учете; об одном классе задач).

Лексико-морфологический анализ обнаруживает некоторые закономерности, свойственные общенаучной и общеупотребительной заголовочной лексике. Используются активно три из шести падежных форм имени существительного (именит., дат., предложн.). Приведенные словоформы играют роль организующих синтагматическую цепочку заголовка. Непосредственно к ним присоединяются специальные термины при построении заглавия. (*К расчету процессов гетероазеотропной ректификации. К вопросу о коррозии аппаратуры мышьяковисто-содовых установок. Заметки об употреблении ономатопея*).

Наблюдения показывают, что различные общенаучные и общеупотребительные слова обладают неодинаковыми лексико-семантическими связями. Не все из возможных лексико-грамматических форм слова реализуются в заголовках (например, *вопрос — к вопросу* и т. д., но *учет — об учете; пути*). Одно слово в заголовках представлено в шести морфологических формах, другие — в одной, двух. Широта использования лексико-грамматических форм одних слов и ограниченное употребление других показывают тенденции смыслового развития слов. Семантическое значение одного слова более дифференцировано, развито, чем семантика другого. Многие лексические значения слов реализуются лишь в свойственных слову синтаксических конструкциях, в сочетаниях с другими словами, количество и состав которых могут быть ничем не ограничены. В таких словах развивается конструктивно обусловленное значение [2, с. 187]. Полностью это значение слова реализуется во множестве тех синтаксических конструкций, в которых оно может быть употреблено. Именно развитостью конструктивно обусловленного значения одних слов объясняется их широкая употребимость в научных текстах [3, с. 85].

Проведенные количественные наблюдения лексического и лексико-грамматического строя научных заглавий свидетель-

ствуют о сосуществовании вариантов языковых средств, использующихся при построении заголовка. Широко употребима именительная форма начального слова или словосочетания научного заголовка. Заголовок, начинающийся с формы родительного падежа, встречается редко; по нашим наблюдениям, в гуманитарной тематике возможны начальные словоформы типа *из истории, из наблюдений*. Регулярность лексико-морфологических и лексико-синтаксических процессов, происходящих с ТС в научном заглавии, подтверждает существование некоторого круга вариантов научного заголовка в общественной и производственной деятельности. Подыскивая оптимальную лексико-семантическую и лексико-грамматическую форму научного заглавия, мы выбираем одну из нескольких, сообразуясь с традицией, речевыми стандартами, предпочтительность тех или иных форм языкового выражения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бирагова И. И. О речевом функционировании грамматических и лексико-семантических элементов в заголовках научно-технических статей (на материале современной лингвистической, радиофизической и химической литературы). — В кн.: Разработка задач и методик системного анализа, структуры и функционирования научно-технической терминологии. Отчет по НИР. № гос. рег. 78 033 923. Горький, 1979, гл. 1, с. 18—55.
2. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова. — В кн.: Лексикология и лексикография. Избранные труды. М., 1977, с. 162—192.
3. Бирагова И. И. О конструктивно обусловленных значениях в лексике научных заглавий. — В сб.: Термин и слово. Горький, 1983, с. 79—87.

БАЗОВАЯ ЛЕКСИКА ТЕРМИНОСИСТЕМЫ «КАРДИОЛОГИЯ»

Г. В. Кузмичева

Горьковский НИИ прикладной математики и кибернетики

В последние годы широкое распространение получил системный подход в изучении терминологии. Методологическая сущность системного подхода заключается в том, что объект исследования рассматривается не как набор элементов, а как целостное системное образование, свойства которого не сводятся к свойствам отдельных элементов [1, 2, 3].

С точки зрения системного подхода терминология изучается как системное образование с определенным набором элементов, структурой и функциями, свойственными данной системе, т. е. анализируется, из каких элементов состоит данное целое, отношения между элементами, влияние изменения какого-либо элемента на другие элементы и на всю систему в целом. Поэтому большое внимание в работах по системному исследованию терминологии уделяется изучению основных системных категорий: элементов, отношений, структуры, функции.

При изучении терминологии нужно учитывать, что знание по своей природе системно. Системная природа научного знания находит отражение в системе понятий. Терминология более, чем другие слои лексики, обладает системным характером, эта системность следует из двойственной природы терминологии: с одной стороны, терминология связана с системой понятий, с другой — терминология функционирует и развивается по законам языка. Логическая системность (логическая организация) понятий позволяет четко выделить разделы (подобласти, предметные группы) конкретной области знания. В каждом разделе выделяются исходные понятия, создаются предпосылки для установки связей между понятиями, т. о. системный подход позволяет определить «место» каждого понятия в системе понятий.

В предметной области «Кардиология» выделена подобласть «Исследование сердца методом эхокардиографии» (условно область А). Пусть имеется область А (система понятий области А и соответствующая ей система терминов). Проводим логико-семантический анализ области А. В результате проведенного анализа были выделены следующие подобласти:

- 1) морфология сердца,
- 2) функционирование сердца, его характеристики,
- 3) пороки структур и функционирования сердца,
- 4) метод эхокардиографии.

Выделенные подобласти являются на терминологическом уровне микросистемами. Следующий шаг в изучении данных микросистем — выделение и описание элементов этих микросистем. Элементами микросистем являются термины. При выделении терминов опираемся на принятое нами рабочее определение термина, включающее два момента:

а) термин — это слово или словосочетание, выражающее научное или профессиональное понятие,

б) если единицы языка, обозначающие родовое понятие, термины, то и все единицы языка, обозначающие видовое понятие, также термины (используется предложенный Б. Н. Головиным методический алгоритм опознавания известной совокупности терминов) [4].

Все элементы терминосистемы подразделяются на два типа — базовые термины и производные термины.

В работах по исследованию терминологий развитию и становлению базовых терминов уделяется значительное внимание, т. к. изучение истории развития и становления базовой терминологии дает представление о формировании терминосистем в целом [7, с. 25].

Нужно отметить, что не существует единой точки зрения на «базовый» термин, это в первую очередь проявляется в отсутствии единого наименования для данного понятия. Так, Д. С. Лотте называл базовые термины «узловыми» [8, с. 16], Г. Г. Самбунова и Т. Л. Канделаки — «фундаментальными» [9, с. 10], О. С. Макшеева, Е. И. Толикина, Ю. Н. Бабошко — «базисными» [10, с. 406—408; 11, с. 48; 12, с. 142], П. Ф. Йолон — «исходными» [13, с. 90], И. М. Суслова, М. Е. Копылова, Н. В. Гурова, В. А. Егоров и многие другие — «базовыми» [7, с. 27; 14, с. 3; 15, с. 21; 16, с. 5].

Мнения о том, какими признаками должен обладать «базовый» термин, также противоречивы:

1. Ряд авторов понимает под базовыми терминами основные, фундаментальные термины, которые отражают наиболее общие понятия конкретной отрасли знания, имеют отношение ко всем теориям данной науки [17, с. 72; 7, с. 27; 9, с. 10; 10, с. 406—408].

2. М. Е. Копылова, напротив, относит к базовым терминам узкоспециальные термины [14].

3. Другие считают, что базовые термины — это простые слова, обозначающие наиболее элементарные, неопределяемые понятия, неразложимые на составляющие их смысловые компоненты [16, с. 5; 12, с. 142; 13, с. 90].

4. Выделяется ряд других признаков:

а) входят терминоэлементами в состав многочисленных сложных терминов [8, с. 16; 12, с. 142; 7, с. 27].

б) отражают родовые понятия [7, с. 27],

в) обладают большой частотой и текстообразующей способностью [15, с. 21; 14, с. 3].

Ни одна из перечисленных характеристик не дает полного представления о базовом термине. Думается, что и в определении базовых терминов должен преобладать многоаспектный подход.

В нашей работе при выделении базовых терминов использовались следующие критерии:

1) базовые термины отражают основные понятия данной подобласти, неразложимые далее на составляющие их смысловые компоненты,

2) структура базовых терминов не более трех членов (С, ПС, ППС),

3) являются основой для деривации (формирования терминологических понятий);

4) являются родовыми по отношению к производным от них видовым.

Основой для выделения базовых терминов служили тексты учебников и учебных пособий для медицинских вузов, а также тексты монографий [5, 6].

На основе лексического материала было выделено исходное множество элементов, которые считались неделимыми единицами анализа, т. е. описывалось базовое лексическое множество.

Анализ показывает, что базовые термины каждой подобласти при функционировании в области А («Кардиология») образуют словосочетания достаточной длины.

Пусть:

$V = \{b_1 b_2 \dots b_n\}$ — множество базовых терминов подобласти В,

$C = \{c_1 c_2 \dots c_k\}$ — множество базовых терминов подобласти С,

$D = \{d_1 d_2 \dots d_l\}$ — множество базовых терминов подобласти Д,

$L = \{l_1 l_2 \dots l_m\}$ — множество базовых терминов подобласти L.

Если $A = V \cap C \cap D \cap L$ образуется пересечением областей В, С, Д, L, то $A = \{a_1 a_2 \dots a_m\}$, где $a = b_n \cup c_k \cup d_l \cup l_m$ — термины области А, т. е. объединение понятий подобластей В, С, Д, L. Термины области А не только включают в себя термины подобластей В, С, Д, L, но и термины-словосочетания, являющиеся объединением этих базовых терминов.

Выделение базовой лексики позволит не только однозначно описать конкретную терминологическую систему, изучить связи между терминами внутри микросистемы и связи с терминами других микросистем, но и позволяет решать вопросы, связанные с унификацией терминологии. Выделение и описание базовых микросистем уже является первым шагом к унификации. Анализ медицинских текстов показывает, что в них активно функционируют многословные термины, среди которых наблюдается значительная вариативность. Это связано с тем, что в медицинской практике появляются новые инструментальные методы диагностирования и лечения пороков сердца, это приводит к использованию терминов других областей знания, они (термины) активно участвуют в образовании многословных терминов, расширяют поле базовых терминов, образуют новые микросистемы в рамках данной системы. Нужно учесть, что использование новых методик с неустоявшейся терминологией имеет свою отрицательную сторону. Увеличивается вариативность в номинации нового понятия. Например, с использованием метода эхолокации сердца появились в медицинской литературе такие терминологические варианты, как:

1) М-эхокардиография, М-тип эхокардиография, М-метод, М-способ,

2) Раствор красителя кардиограмма, контрастное вещество, контрастный раствор, контрастный материал, раствор кардиограмма, краситель, раствор красителя.

Подобная вариативность в номинации базовых понятий (метод исследования, контрастное вещество) приводят к тому, что, участвуя в номинации сложного понятия, т. е. соединяясь с терминами других микросистем, подобные варианты базового термина увеличивают вариативность терминологических словосочетаний. На материале статей журнала «Кардиология» были составлены микрословари базовых терминов по подобластям.

Описание базовых микросистем, составление микрословарей базовых терминов позволит выявить все варианты базовых терминов, ведущие к неоднозначности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уемов А. И. Логический анализ системного подхода к объектам. — В кн.: Проблемы методологии системного исследования. М., 1970, с. 80—96.
2. Виноградов В. А., Гинзбург Е. Л. Система, ее актуализация и описание. — В кн.: Системные исследования. М., 1972, с. 93—102.

3. Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973.

4. Головин Б. Н. О некоторых доказательствах терминологичности словосочетаний. — В сб.: Лексика, терминология, стили. Вып. 2. Горький, 1973, с. 57—66.

5. Воловик А. Б. Болезни сердца у детей. М., 1952.

6. Нестеров В. С. Клиника болезней сердца и сосудов. М., 1967.

7. Суслова И. М. Терминологическая система библиотекосведения. Дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. М., 1977.

8. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. М., 1961.

9. Канделаки Т. Л., Самбурова Г. Г. Вопросы моделирования системы знаний упорядоченных терминологий. — В кн.: Современные проблемы терминологии в науке и технике. М., 1969, с. 3—31.

10. Макшеева О. С. О принципах построения (гносеологических и логических) системы терминов. — В сб.: Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики, ч. II. М., 1971, с. 406.

11. Толикина Е. Н. Термин в толковом словаре (к проблеме определения). — В сб.: Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976, с. 45—56.

12. Божко Ю. Н. К методике исследования терминологических систем. — В сб.: Теоретические вопросы романо-германской филологии, Горький, 1976, с. 138—153.

13. Йолон П. Ф. Система теоретического знания. М., 1965, с. 81—112.

14. Копылова М. Е. Проблема оптимального варианта выделения отраслевой базовой лексики. Дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Тюмень, 1975.

15. Гурова Н. В. Базовая лексика и морфология английского подъязыка металлургии (прокатное производство). Дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Л., 1974.

16. Егоров В. А. Терминологическая система предметной области «строительство и архитектура» (немецкий и русский варианты). Дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Минск, 1973.

17. Денисов П. Н. Системность и связанность в лексике и системе словарей. — В сб.: Проблематика определений термина в словарях разных типов. Л., 1976, с. 63—73.

ОПЫТ НАБЛЮДЕНИЯ НАД СЛОВАРЯМИ МУЗЫКАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Н. Э. Василенко

Кызылский пединститут

В процессе научного и учебного общения возрастает роль терминологии и терминологической культуры. Постановка музыкального образования на профессиональную основу и становления музыковедения как части науки об ис-

усстве вызвали рост специальной и научной литературы, словарей и справочников музыкальной тематики. Основными задачами проведенного наблюдения было выявление специфики музыкальных терминологических словарей, их недостатков и достоинств, а также анализ существующих типологий. Материалом послужили музыкальные словари [4, 6—21 и др.].

Поскольку поставленные вопросы — лишь часть проблемы описания музыкальной терминологической системы, правомерно, опираясь на определение Б. Н. Головина [1, с. 270], дать определение музыкальной терминологии. Музыкальная терминология — это соотнесенная с областью музыки совокупность терминов, связанных друг с другом в понятийном, лексико-семантическом, словообразовательном и грамматическом планах. Музыкальная терминология в сфере фиксации представлена в терминологических словарях.

Существенными причинами несовершенства музыкальных справочных изданий являются весьма неудовлетворительное состояние понятийного аппарата музыковедения и недостаточно эффективное сотрудничество музыковедов и лингвистов. Имеющиеся музыкальные словари не отвечают требованиям, об этом говорят сами музыканты: «Неважно обстоит дело и со словарями, большинство из них составлено на очень низком уровне» [2, с. 21]. Показателем невнимания к данной проблеме может служить полное отсутствие данных о словарях в пятитомнике «История музыки народов СССР». Нет и единой классификации музыкальных словарей. Так, в музыкальной энциклопедии [3, с. 215] приводится следующее деление: 1) терминологические словари; 2) биографические музыкальные словари; 3) энциклопедические музыкальные словари; 4) оперные словари; 5) словари сочинений прочих жанров.

Видимо, данная систематизация удобна при составлении библиографических каталогов, но не может рассматриваться как исчерпывающая классификация. Правомерно проводить деление по одному основанию, а в данном случае это требование логики нарушено.

Автор другого словаря указывает три типа словарей [4, с. 3]: 1) энциклопедические; 2) переводные; 3) толковые. Очевидно, эта классификация тоже не является исчерпывающей. Избежать подобных неточностей помогает тематиче-

ская классификация, которая опирается на принадлежность терминов словаря к определенной тематической области музыки. Выделяются общетематические словари, описывающие терминологию, общую для всех областей музыковедения, характеризующую всю понятийную систему в целом. К общетематическим словарям относятся энциклопедии, словари для учащихся, краткие музыкальные словари. В узкотематических словарях (например, «Хоровом словаре», «Оперном словаре») представлена терминология определенной самостоятельной музыкальной области.

Данная систематизация позволяет объединить в группы словари общей тематики; а терминологию могут проследить вычленение в музыкальной терминологии пласта общенаучных [для музыковедения как науки] терминов и небольших терминологических подсистем, обслуживающих отдельные области науки о музыке.

На совещании, посвященном проблеме определений терминов в словарях [март, 1974 г.], было предложено все словарные издания делить на «предназначенные самым широким кругам читателей и исключительно специалистам той или иной отрасли знания» [5, с. 47].

Используя в качестве основания для деления уровень профессиональной подготовленности пользователя, среди музыкальных словарей можно выделить: 1) словари общего применения; 2) словари полуспециальные; 3) словари специальные.

Словари общего применения — это значительная часть справочных изданий, предназначенная для широкого круга читателей (неспециалистов).

Авторы словарей так определяют цель своей работы: «(Целью было) создать как бы введение в музыку» [6, с. 2], «...создать словарь-минимум, дать краткое истолкование часто встречающихся музыкальных понятий и терминов» [8, с. 2].

Этим задачам подчинен отбор лексики в словарь. Словарные статьи носят описательный, облегченный для понимания характер.

Например:

гавот — старинный танец французского происхождения, широко распространенный в странах Европы в XVII веке. Название происходит от провансальского *gavotto*, что означает танец гавотов (жителей провинции Овернь во Франции). Зародившись

в XVI веке в виде хороводного танца, гавот отличался живой манерой исполнения, умеренным темпом и так далее [7, с. 12].

Словарями общего применения являются «Занимательный словарь школьника» под редакцией Михеевой А., словарь-справочник «Старинная музыка».

Словари полуспециальные издаются для учащихся музыкальных школ, имеющих некоторую профессиональную подготовленность. Хотя это все еще словари популярного характера, но определения терминов более конкретны, логичны, точны, профессиональны; шире представлена специальная (собственно музыкальная) терминология.

«Цель — служить справочным пособием для учащихся — музыкантов» [9, с. 1].

Пример словарной статьи:

гавот — танец французского происхождения, широко распространенный в странах Европы в XVII—XVIII вв.

Исполняется в умеренном темпе, несколько жеманно. Размер двухдольный, с затактом в 2/4. Гавот часто встречался в операх и балетах Ж. Рамо, К. Глюка, а также в сюитах XVIII в., в частности И. Баха. Изредка гавот появляется в музыке XX в., например, у С. Прокофьева (гавоты для фортепиано, в Классической симфонии, балете «Золушка» и др.) [9, с. 28].

Третью группу составляют словари специальные. Сфера отбора терминов в словарь сужается рамками специальности музыканта, характер дефиниций обусловлен достаточно высоким уровнем профессиональной подготовки.

гавот — [фр. gavotte, от провансальского gavotto] — старинный французский танец народного происхождения умеренно оживленного движения, в такте размером 4/4 с затактом в две четвертные ноты.

С XVII в. Г. вошел в придворный обиход, в XVIII в. встречался в инструментальных сюитах, в XIX в. перестал применяться систематически [10, с. 16].

К этой группе принадлежит «Словарь иностранных музыкальных терминов» под редакцией Т. Крунтяевой, где дается лишь перевод каждого термина, содержащий очень краткое определение: *diminuendo* [диминуэндо] — постепенно ослабевая, *dolce* [итальянское дольче], *dolcemente* [дольчечентэ], *condolcezza* [кондольчэцца] — приятно: нежно, ласково.

Подобная терминология необходима специалисту, для него не требуется дополнительных объяснений, идет ли речь

о музыкальных оттенках [диминуэндо] или о характере исполнения [долече].

Особое место в данной классификации занимают музыкальные энциклопедии. Они предназначены как для специального, так и для широкого пользования. Но по характеру толкования терминов тяготеют к специальным справочным изданиям.

Всем проанализированным словарям свойственны недостатки общего характера, которые являются следствием неразработанности методик составления словарей.

Наиболее остро стоит проблема отбора терминов в музыкальный словарь и вызванные этим проблемы избыточности и недостаточности словника. Дефиниции терминов имеют недостатки логического характера, а зачастую слишком интуитивны и субъективны. Затруднен подбор терминов-эквивалентов в двуязычных словарях (к примеру, в словаре Г. Балтера), что объясняется неадекватностью разноязычных терминологических систем, а также существованием в музыке различных научных направлений со своей особой терминологией.

При нынешнем состоянии музыкальной терминологической системы, лишь частично затронутой процессом стандартизации и нормализации, представляется необходимым отражать в словарях все присущие ей (системе) «недостатки» (то есть указывать полисемию, омонимию, синонимию терминов), и тем самым подготавливать терминологию музыки для дальнейшего упорядочивания.

Вся проделанная лексикографическая работа в области музыковедения — лишь прелюдия к серьезному и глубокому изучению музыкального термина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание. М., 1979.
2. Ляпунова А. О некоторых проблемах музыкального источниковедения. — Советская музыка, 1971, № 3.
3. Музыкальная энциклопедия. М., 1976.
4. Крунтяева Т., Молокова Н., Ступень А. Словарь музыкальных иностранных терминов. М., 1977.
5. Петушков В. П., Сорокалетов Ф. П., Сергеев В. И. О способах раскрытия значений терминов в словарях. — В кн.: Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976.
6. Асафьев В. Б. Путеводитель по концертам. М., 1978.
7. Булучевский Ю., Фомин В. Старинная музыка. М., 1974.

8. Краткий словарь любителя музыки. М., 1967.
9. Булучевский Ю., Фомин В. Краткий музыкальный словарь учащихся. Л., 1968.
10. Должанский А. Краткий музыкальный словарь. Л., 1964.
11. Бернард Г. Словарь опер. М., 1962.
12. Гозенпуд А. Оперный словарь. М.—Л., 1965.
13. Для слушателей симфонической музыки. Путеводитель по концертам. Л., 1966.
14. Карманный музыкальный словарь. Музыкальная терминология Г. Гарраса. М., 1930.
15. Корыхалова Н. П. Краткий словарь музыкальных терминов. Л., 1962.
16. Михеева А., Арановский А., Фрумкин В. Занимательный словарь школьника. М.—Л., 1965.
17. Музыкальная энциклопедия. /Под. ред. Келдыш. М., 1976.
18. Островский А. Л. Краткий музыкальный словарь. М.—Л., 1949.
19. Павлюченко С. А. Краткий музыкальный словарь. Справочник. М.—Л., 1950.
20. Романовский Р. Хоровой словарь. Л., 1968.
21. Сеженский К. Краткий словарь музыкальных терминов. М.—Л., 1950.

СЛОВНИК И ПАРАМЕТРИЗАЦИЯ В НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Я. Л. Донской

Горьковский университет

Проблема словника занимает в лексикографии одно из первых мест по важности и сложности. В то же время в существующих работах по теории научно-технической лексикографии приводятся лишь отдельные наблюдения и рекомендации по этой проблеме, не дающие, однако, целостного представления о самом словнике как объекте исследования [1].

Словник рассматривается чаще всего как нечто элементарное, как простой «список слов, подлежащих словарной обработке; совокупность заголовочных слов в словаре» [2]. При этом эксплицитно не указывается на взаимосвязь проблем построения словника и классификации словарей, а сам термин «словник» применяется, как правило, лишь в отношении терминологических словарей (ТСл) в узком смысле и не используется, когда речь идет о других лексикографических объектах — информационно-поисковых тезау-
77

урусах (ИПТ), классификаторах, рубрикаторах, сборниках рекомендуемых терминов, ГОСТах — единицы описания в которых также относятся к терминологии.

Решению проблемы словника могут способствовать идеи параметризации, находящие все большее распространение в общей лексикографии. Предпринимаются попытки построения общелекسیкографических классификаций на основе ряда признаков, набор которых описывает конкретный словарь [3]. Разрабатываются и принципы лингвистического конструирования, при использовании которых новые типы словарей могут быть созданы путем отбора из общей совокупности параметров таких сочетаний, которые оптимально отвечали бы целям словаря [4]. Под параметром при этом понимается «некоторый квант информации о языковой структуре, который в экстремальном случае может представить для пользователя самостоятельный интерес, но, как правило, выступает в сочетании с другими квантами (параметрами) и находит специфическое выражение в словарях» [4, с. 51].

Ю. Н. Караулов выделяет 67 параметров, пертинентных в общей лексикографии [4].

Возможность использования идей параметризации и в научно-технической лексикографии определяется тем, что в сфере функционирования терминологическая лексика, сосуществуя с лексикой общенародной, подчиняется универсальным законам языка.

Вместе с тем термин обладает спецификой, относящейся к плану содержания, характеру его значения, к его конвенциональности [5]. Эта специфика обуславливает определенную специфичность реализации в научно-технической лексикографии идей параметризации.

Здесь некоторые параметры по понятным причинам теряют свою релевантность — такие, например, как рифма.

С другой стороны, пертинентными в научно-технической лексикографии могут быть параметры, не выделенные Ю. Н. Карауловым для общей лексикографии; к ним относится параметр «объект описания». Тсл могут различаться по количеству отраслей, терминология которых включается в словник того или иного словаря. Именно по этому признаку Тсл подразделяются иногда на суммарные и частные [6] либо на общенаучные, политехнические, комплексные, узко-

отраслевые [7]. Этот аспект может оказаться релевантным и на еще более элементарном уровне. В создаваемом в Горьковском университете радиофизическом двуязычном словаре, объектом описания которого является подъязык радиопизики, выделяются как более элементарные объекты описания терминосистемы разделов «распространение радиоволн», «квантовая радиофизика», «статистическая радиофизика» и другие.

И, наконец, большинство параметров, пертинентных в общей лексикографии, являются таковыми и в научно-технической лексикографии, где происходит определенная содержательная модификация некоторых из них; это может быть показано на примере нормативности.

Сущность нормы может пониматься как традиционные, без конца повторяемые воспроизведения языковой системы; тогда за основу для установления нормативности принимается узус, т. е. реальное воспроизведение фактов языка в речи его носителей [8].

При таком подходе специальные словари должны быть словарями регистрирующего типа, адекватно отражающими явления, свойственные реальным терминологиям, и в словник большого ТСл следует включать заимствования, диалектизмы, профессионализмы (наряду с их «обычными» синонимами-дублетами), устарелые термины [см. 9].

Вместе с тем специфика терминов, их конвенциональность делает возможным проведение работы по последовательной нормализации терминологии параллельно с созданием различных терминологических объектов.

В ТСл регистрирующего типа, систематизирующих лексику данной отрасли, нормативность может выражаться, например, в том, что среди нескольких приводимых в словнике терминов-синонимов выделяются тем или иным способом (шрифт, порядковое место и т. п.) термины, употребляемые как основные, стандартные, общепринятые; важную роль играет здесь нормативное написание термина и расстановка ударения, а также указание на источники словаря [см. 9]. Специально могут отмечаться в словнике нереконмендуемые и устарелые термины — в «Международном терминологическом словаре по газовой промышленности» (Берлин, 1978) они отмечены, например, символом (+).

Последующим качественно новым этапам нормализации — унификации и стандартизации терминологии — соответствует создание сборников рекомендуемых терминов и ГОСТов, отличающихся лишь по степени «узаконенности» терминов, включаемых в их словники, но и они могут рассматриваться как лексикографические объекты регистрирующего типа, так как содержат не только термины, но и их синонимы, в том числе и отвергаемые составителями. В сборнике рекомендуемых терминов «Основные понятия магнитной гидродинамики» (М., 1982), например, nereкомендуемые синонимы терминов снабжены пометкой «НРК».

В научно-технической лексикографии обнаруживаются те же две тенденции, что и в общей лексикографии — центробежная и центростремительная, характеризуемые целевой установкой на создание, соответственно, однопараметрового и всепараметрового словарей [см. 4, с. 110].

Углубленная разработка какого-либо одного параметра в специальном словаре, связанная с центробежной тенденцией, не исключает, однако, эксплицирования в словаре и некоторых других параметров.

Так в словнике специального словаря сокращений *Ocran's Acronyms. A Dictionary of Abbreviations and Acronyms Used in Scientific and Technical Writing* (London, 1978) доминирующим параметром является, естественно, параметр сокращений, но наряду с ним здесь эксплицируются и другие параметры: объект описания — 47 областей знания; язык — английский; входы — алфавитный и тематический; хронологический — источники словаря изданы не ранее 1973 года; орфографический — побуквенная передача; ареальный — указание страны; тематическая группа; гипонимический (род—вид) и парциальный (часть—целое) параметры заданы частично перекрестными отсылками в тематических группах.

Центростремительная тенденция заключается в установке на создание универсального ТСл, в котором в равной мере, на достаточную и одинаковую глубину эксплицировались бы все пертинентные для научно-технической лексикографии и данного языка параметры. Такой словарь явился бы идеальным терминологическим словарем академического типа.

Одним из наиболее ярких примеров этой тенденции можно считать создание «Словаря названий морских промысло-

ых рыб» [9], в словнике которого представлено около 3000 названий на более чем 300 языках и наречиях. Словарь построен по идеографическому принципу, но отдельными входами по алфавиту даны научные названия и народные названия в русском и латинском написании; здесь глубоко разработаны параметры: хронологический, орфографический, ударение, ареальный, стилистический, нормативный, синонимизация, синонимы, тематическая группа, гипонимический, ономастический, этнокультурно-исторический, библиографический (источники словаря).

Интересно отметить, что параметр «семантема», обычно представленный в правой части словаря, в рассматриваемом идеографическом словаре дается, по сути дела, тоже в словнике, так как семантической характеристикой, толкованием значения здесь является латинское определение вида.

ИПТ, классификаторы, рубрикаторы, сборники рекомендуемых терминов, ГОСТы можно отнести к лексикографическим объектам, т. е. считать их словарями в широком смысле не только потому, что они часто имеют «обычную» форму словарей — левую часть (которая с полным основанием может быть названа словником) и правую (раскрытие значений единиц описания, входящих в словник), но и прежде всего потому, что по своей содержательной сути их словник представляет собой сочетание определенных параметров, pertinentных в научно-технической лексикографии.

Вместе с тем сам «набор» параметров в словнике определяет и отличие разных лексикографических объектов друг от друга. Так, например, принципиальное различие между классификатором и ИПТ — различие структурное, определяющееся тем, что помимо фиксируемых в классификаторе отношений иерархии и соподчинения (реализации функционирования гипонимического и парциального параметров) в ИПТ эксплицируются также синонимический и ассоциативный параметры. Кроме того, отличие между классификатором и ИПТ связано и с функционированием нормативного параметра — в словник классификатора включаются только нормативные, официальные термины, а тезаурус включает все термины предметной области [10].

Итак, идеи параметризации открывают новые перспективы и в научно-технической лексикографии: появляется возможность отдельного рассмотрения каждого лексикографи-

ческого параметра и его разработки, а проблема словника, в частности, решается тогда как проблема сочетаемости и функционирования этих конкретных параметров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., например, работы: Забинкова Н. Н. Некоторые вопросы современной ботанической терминологии и принципы составления латинско-русского ботанического словаря. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Л., 1958; Игнатъев Б. И. Вопросы двуязычной научно-технической лексикографии. Дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Л., 1975; Перерва В. М. О принципах и проблемах отбора терминов и составления словника терминологических словарей. — В кн.: Проблематика определения терминов в словарях разных типов. Л., 1976, с. 190—204.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с. 422.
3. См., например: Роменская В. Ф. О классификационной схеме понятия «тип словаря» в информационном тезаурусе. — В кн.: Структурная и прикладная лингвистика, вып. 1, Л., 1978, с. 181—188; Цывин А. М. К вопросу о классификации русских словарей. — Вопросы языкознания, 1978, № 1, с. 100—107.
4. Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981.
5. Герд А. С. Проблемы формирования научной терминологии. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. доктора филол. наук. Л., 1968, с. 2—3.
6. Петушков В. П., Сергеев В. Н. О классификации словарей. — В кн.: Проблематика определения терминов в словарях разных типов. Л., 1976, с. 13—19.
7. Игнатъев Б. И. Указ. соч., с. 21.
8. Ступин Л. П. Проблема нормативности в истории английской и американской лексикографии. Дис. на соиск. учен. степ. доктора филол. наук. Л., 1979, с. 38 и след.
9. Линдберг Г. У., Герд А. С., Расс Т. С. Словарь названий морских промысловых рыб мировой фауны. Л., 1980.
10. См. Кобрин Р. Ю., Пескова Н. Н. О соотношении информационно-поискового тезауруса и классификатора технико-экономической информации. — Научно-техническая информация, серия 2, 1982, № 7, с. 1—5.

ОБЪЕКТНО-РЕЧЕВАЯ ОТНЕСЕННОСТЬ ТЕРМИНОВ «СТАНДАРТ» И «ШТАМП»

Г. М. Грехнева

Горьковский университет

В оценках речи (как правило, негативных) часто используются термины «речевой штамп», «стандарт», «клише»,

речевой стереотип», «канцеляризм» [см. 2, 3, 4, 5, 6, 8 и др.]. Обозначается этими выражениями не вполне определенный и не всегда одинаковый круг речевых явлений. Цель этой статьи — выявить объектно-речевую отнесенность двух (основных, как представляется) терминов этого ряда «стандарт» и «штамп» — и тем самым сделать более определенной и мотивированной оценку речевых явлений, обозначаемых этими терминами. А оценка эта весьма противоречива и неоднозначна. С одной стороны, штампы (стандарт, клише, канцеляризмы, речевые стереотипы и т. д.) резко и темпераментно осуждают [см. 3, 5, 8, 6 и др.], с другой, существует мнение, что речевые стандарты, стереотипы не только неизбежны, но и необходимы, «конструктивны» [10, 13, 14, 15]. Одни исследователи фактически синонимизируют термины «стандарт», «штамп», «клише», «стереотипы» [3, 4, 5], другие настаивают на их разграничении, но выдвигаемые критерии разграничения весьма различны и не всегда определены. Противоречивость, несходство оценок и рекомендаций здесь во многом мнимые. Дело не в том, что одни и те же речевые (или языковые) явления по-разному оцениваются разными исследователями, а в том, что нередко одним термином обозначаются разные явления. Таким образом, наличие терминологической неупорядоченности, которая мешает объективной оценке соответствующих реалий.

Так о каких же явлениях идет речь, когда говорят и пишут «штамп», «клише», «стандарт» и т. д.? Какие реальные значения имеют эти термины?

Слово «штамп» как характеристика речи обычно оценочно, и оценка эта отрицательная. Речевой штамп как «готовый образец; трафарет, которому следуют (неодобрит.)» [цит. по 8, с. 164]. «Готовый образец, которому слепо подражают, избитая форма выражения мысли» (там же) издавна сурово осуждается. Но в 1929 году со страниц книги Г. О. Винокура «Культура языка» прозвучало слово в защиту речевых штампов. Определяя коммуникативно-стилевое своеобразие газетного стиля, Г. О. Винокур видит его в стандартизованности выполняемых газетой функций и, соответственно, в стандартизованности языковых средств. «Газета рассчитана на осведомление максимальной аудитории..., а также на нейтральную лингвистическую среду, т. е. на читателей с самыми разнообразными стилистическими навыками»

[4, с. 180]. И эта многоликая аудитория требует унифицированного к ней обращения. Поэтому речевые штампы — обязательный признак газетной речи.

Штампованной оказывается прежде всего грамматическая (особенно синтаксическая) организация газетной речи: «...основные типы газетной информации... строятся по готовому уже шаблону, обусловлены выработанными уже в процессе газетного производства речевыми штампами, приспособленными уже, отлитыми словесными формулами, языковыми клише», причем выбор этих стандартных грамматических формул осуществляется «не изо всей суммы наличных в языке грамматических средств, а только из... круга тех средств, которые отобраны... предшествующей информационно-газетной традицией» [4, с. 180]. Иллюстративный материал показывает, что синтаксическими штампами Г. О. Винокур считает и формы выражения модальной оценки высказываний (*и действительно; в самом деле; как и следовало предвидеть; вся беда в том; надо полагать в общем и целом; коснувшись; по словам; как заявил*), и книжные по окраске способы выражения синтаксических отношений в простом и сложном предложении (*ибо, если, как в области — так и в области*), и даже языковые фразеологизмы типа «*шила в мешке не утаишь*»; «*земля все-таки вертится*», «*Пиррова победа*» и т. д., так как все они выполняют «функцию не столько словарно-тематическую, сколько грамматически-композиционную» [3, с. 194].

Кроме грамматического, Г. О. Винокур выделяет словарный штамп: «В газетной речи нет почти ни одного слова, которое не было бы штампом, клише, шаблоном..., словарь газеты всегда носит характер фразеологии, т. е. суммы фиксированных условных формул с заранее известным и точно установленным, механизированным значением» [4, с. 183].

По-видимому, Г. О. Винокур различно оценивал штампы синтаксические и штампы словарные: «Синтаксические штампы не изнашиваются. Родительный падеж всегда остается родительным падежом, местоимение *что* всегда имеет смысл относительный или вопросительный. Но слово *смычка* в тысяча первом его употреблении уже теряет свой стилистический аромат и то содержание, которое было вложено в него культурно-языковой инициативой» [4, с. 183]. Но тем не менее, он штампованность газетной речи в целом оценивает

Так явление не только неизбежное, но и коммуникативно оправданное. Оправданность эта и экстралингвистическая (особенности коммуникации в газете), и собственно лингвистическая, ибо повторение, канонизация некоторых средств изображения — явление, характерное для языка вообще и для литературной традиции, в частности: «Язык газеты... есть язык штампованный...! А разве подлинная литературная речь не знает штампов? Разве... поэтика какой-либо определенной школы не состоит из композиционных штампов и закрепленных традицией формул?.. Разве вся вообще грамматика не есть с принципиальной точки зрения штамп, т. е. традиционная схема языкового выражения?» В газетной речи эти традиционные грамматические формулы и клише даны абстрактно..., в их чисто механическом значении связи и соединения, внешнего и упорядочения словесных масс... Поэтому штампы здесь обнажены, наглядны, обескровлены. По существу же, это те же канонизированные грамматические парадигмы, которые лежат в основе всякой письменной речи» [4, с. 182—183].

Конечно, Г. О. Винокур был далек от мысли идеализировать реальное состояние речевой культуры газеты и оправдать любой шаблон и штамп в ней. По его мнению, положительная роль стандарта и штампа в газете реализуется лишь при разумном и уместном применении речевых клише. «Падением лингвистической валюты» называл он превращение в штампы революционных лозунгов, возмущался штампованными заголовками: «Мне по крайней мере, достаточно увидеть статью, озаглавленную «Больше внимания сельскому хозяйству», чтобы ни за что не прочесть этой статьи» [4, с. 153], т. е. он вполне понимал социальную и культурную опасность неумелого и неуместного газетного штампа как для самой газеты, так и для языка в целом.

Г. О. Винокур ни терминологически, ни содержательно не разграничивает понятий стандарта и штампа, использует выражения «штамп», «клише», «шаблон», «словарное клише», «словарный штамп» как синонимы. Основным, опорным словом этого синонимического ряда оказывается у него слово «штамп», что вряд ли оправдано, так как слово это при характеристике речи оказывается не нейтральным (словари дают его с пометой «неодобрит.»). Слово «стандарт», как более нейтральное, больше подошло бы на эту роль. Воз-

можно, именно обозначение словами «штамп», «штампованный», с которыми у читателя устойчиво связана неодобрительная оценка речевых явлений, по мнению Г. О. Винокура, нейтральных, оправданных и целесообразных, и помешало современникам не то что согласиться с ним, но даже увидеть рациональное зерно в его концепции газетного стиля [7]. Лишь современные исследователи языка газеты (В. Г. Костомаров, Г. Я. Солганик, М. Н. Кожина и др.) сумели объективно оценить работу Г. О. Винокура, развивая ее позитивные идеи и критически осмысливая слабые стороны. Критикуется, в частности, его недифференцированный подход к штампам. И действительно, Г. О. Винокур, как показано выше, подводит под это понятие слишком широкий и явно неоднородный круг явлений, единственным общим признаком которых оказывается, пожалуй, их повторяемость. Частая встречаемость на страницах газет. При таком нерасчленном понимании штампа трудно составить однозначную оценку его — положительную или отрицательную.

Видный современный исследователь газетного стиля В. Г. Костомаров первым заговорил о необходимости различать стандарт, явление в газете (да и в других типизированных сферах общения) неизбежное и конструктивное, и штамп — негативное, деструктивное явление, имеющее резко отрицательный эстетический и социальный эффект. Газетный текст, чтобы быть и воздействующим, и информативным (а эти две функции газеты неразделимы), должен в своей структуре чередовать экспрессивные и информативные сегменты, нейтральные стандарты (элементы немаркированные) и экспрессы (маркированные единицы речи): «Делается все возможное, чтобы так или иначе построить схему: экспрессия-стандарт — экспрессия-стандарт... — на всем протяжении текста» [10, с. 92]. Термины «стандарт» и «экспрессия» используются здесь для обозначения регулярного противопоставления маркированных и немаркированных средств выражения. Стандарты — это немаркированные, нейтральные сегменты речевых структур в их противопоставленности маркированным (экспрессивным) сегментам. Но это, заявленное в дефиниции, понимание речевого стандарта не выдержано последовательно, и в тексте книги можно обнаружить и иную объектно-речевую отнесенность термина «стандарт». Этим термином обозначены еще:

1) единицы языка (фонемы, морфемы, слова, фразеологизмы, синтаксические схемы, образцы) в их способности нормативно воспроизводиться в речи;

2) типизированные, клишированные синтаксические структуры (словосочетания, предложения), воспроизводимые в речи в постоянном лексическом наполнении [см. 16].

В работе В. Г. Костомарова «Русский язык на газетной полосе» осуществлен очень серьезный анализ природы и функции речевого штампа вообще и газетного, в частности. Определяя штамп как «любое средство выражения, дающее при восприятии негативный стилистико-смысловой эффект» [10, с. 202], автор осознает его как прямое порождение самого конструктивного принципа газеты, точнее, как практически неизбежные «издержки производства» при воплощении этого принципа. Необходимое чередование экспрессии и стандарта в структуре газетной речи нередко создается, что называется «любой ценой». Обеспечить стандартную часть чередования значительно легче, чем экспрессивную. Отсюда — постоянная погоня за экспрессией. При этом журналист (особенно средний, рядовой), ограниченный жесткими и временными рамками подготовки номера, берет уже найденные и оправдавшие себя экспрессивные средства. Основная причина штампа — эксплуатация ранее найденного средства выразительности. Каждая вновь открытая и удобная для газеты форма выражения оказывается соблазнительным объектом для повторения. В штамп превращается удачная (изначально) метафора, выразительный заголовок, интересная композиция и т. д. Экспрессия, достигаемая избитыми, пройденными средствами или чисто внешними приемами, становится условной и даже фиктивной. А ослабление внутренней силы, качества экспрессии (ее девальвация) компенсируется количественным нагнетением этих немногих экспрессивных средств («эскалация экспрессии»), что усиливает оценку их как штампов. Так что чаще всего штампом становится образное выражение, утратившее из-за многократного повторения образность. Но источником штампа, по мнению В. Г. Костомарова, может оказаться и стандарт (хотя и реже, чем экспрессия) при утрате «основного свойства нормативной нейтральности» [10, с. 203], а это происходит, когда прекращается достаточно регулярное чередование стандартов с экспрессеями и возникает так называемое «нанизывание стандартов».

После выхода книги В. Г. Костомарова в работах лингвистов заметно стремление разграничивать, с одной стороны, штамп как явление негативное, требующее осуждения и искоренения, и, с другой, речевой стандарт, клише, речевые стереотипы как нормативное, нейтральное явление, коммуникативное и функционально оправданное. Вот, к примеру, высказывания Г. Я. Солганика: «Следует, несомненно, различать клише и штампы. Клише, стандарты, стереотипы могут играть и играют весьма существенную положительную роль в языке газеты...

Наличие большого количества речевых формул, готовых оборотов свидетельствует о разработанности, развитости того или иного речевого стиля. Поэтому и обилие клише в передовой статье также говорит о разработанности и гибкости фразеологии жанра» [14, с. 33].

«Штампы, конечно, нетерпимы в газетном языке, в любых его жанрах. Штамп — это скомпрометированное общественным мнением выражение с ослабленным лексическим значением или стертой экспрессивностью. Необходимо строго разграничивать клише и штампы. Первые — принадлежность любой речи, вторые — отходы журналистского производства» [14, с. 34].

Отметим, что термины «клише», «стандарт», «стереотип» употребляются здесь как обозначение устойчивых словосочетаний, «своеобразных словесных блоков, имеющих более или менее постоянный состав и выражающих функцию готовых, выработанных предшествующей практикой и закрепленных традицией оборотов речи» типа *«осуществлять мирные со-зидательные цели», «социалистические государства», «реши-тельно выступить за мир и международную безопасность», «агрессивные происки империализма», «братские страны», «предпринимать в этом направлении шаг за шагом»* и т. д. [14, с. 32].

Термин «штамп» тоже имеет в работах Г. Я. Солганика несколько иную отнесенность, чем у В. Г. Костомарова. Так, нет прямого указания на нелингвистическую природу штампа. Судя по определению, этим термином номинируются единицы языка («выражения с ослабленным лексическим значением или со стертой экспрессивностью») без непосредственной связи с *речевыми* структурами, в которых они используются. И это вряд ли справедливо. В языке штампов

нет. Это явление *речевое*, это свойство речевых структур и свойство элементов этих структур. Штамп — это проблема употребления языковых единиц, их функционирования, а не их внутренних свойств.

Наблюдения над употреблением слов «штамп», «клише», «стандарт», «канцеляризм», «стереотип» как оценочных характеристик речи или единиц языка (речи) показывают, что до сих пор четкого разграничения этих терминов нет, но положительно существующее стремление к разграничению, которое заметно при сравнении соответствующих статей терминологических словарей разных лет.

В словаре О. С. Ахмановой (1966) определены три слова этого рода — «канцелярский», «клише», «штамп». Два из них даны как синонимичные: при слове «штамп» отсылка — «то же, что клише». Из двух других объем понятия шире у слова «канцелярский». «Сухой, бесцветный, лишенный индивидуальности, изобилующий механически повторяемыми архаичными клише (речевыми штампами), употреблением существительных вместо глаголов и прилагательных и др.» [1, с. 188]. «Канцелярский», судя по дефиниции и иллюстрирующим ее примерам, то негативная характеристика («сухой, бесцветный, лишенный индивидуальности») языковых единиц («канцелярское выражение»), то текста, («канцелярский язык»). Негативная характеристика текста связывается с употреблением (частым, механическим) «архаичных клише (речевых штампов)».

Клише определяется как «избитое, шаблонное, стереотипное выражение, механически воспроизводимое либо в типичных речевых и бытовых контекстах, либо в данном литературном направлении, диалекте и т. п.» [1, с. 197], т. е. это тоже негативная характеристика некоторых языковых явлений. Каких же? Словосочетание «*клише фразовое*» иллюстрируется так: «здоров как бык; передайте привет, в связи со сказанным; вопрос ждет своего решения» [1, с. 197—198]. Примеры рождают недоуменный вопрос, почему же все эти выражения должны оцениваться как «избитые, шаблонные, стереотипные», т. е. негативно? Всегда ли эта оценка негативна, если нет, то когда? Словосочетание «клише языковое» не иллюстрируется. Таким образом, словарное определение, по сути дела, не дает возможности увидеть ни предметную, ни понятийную отнесенность термина «клише», то есть ни саму языковую реалию, ни ее существенные признаки. Нет

в словаре и попытки разграничить речевой **стандарт** как явление конструктивное и нейтральное и **штамп** как отрицательную характеристику речевых структур, не разграничены также функционально-стилевая характеристика языковых средств (результат закреплённости за функциональным стилем) и оценка (негативная), которая возникает как результат неуместного использования языковых средств за пределами стовойственной им сферы употребления.

В энциклопедии «Русский язык» (1979) это разграничение уже есть. Здесь из интересующих нас терминов определены два — «канцеляризмы» и «штамп».

«**Канцеляризмы**—слова, устойчивые словосочетания, грамматические формы и конструкции, употребление которых в литературном языке закреплено традицией за официально-деловым стилем (см.), особенно за канцелярско-деловым подстилем. Примеры. К: *уведомление, входящие-исходящие, надлежит; оказывать помощь* (вм. помогать), *настоящим доводится до вашего сведения; согласно чего* — с род. п. вместо общелит. дательного; многокомпонентные именные конструкции с род. п. типа: *взыскание с работника имущественного ущерб* и т. п.» [12, с. 108].

Канцеляризмы определены через стилевую отнесенность, этим термином номинируются единицы языка (слова, устойчивые словосочетания, грамматические формы и конструкции) в их функциональной связанности с типичной и органичной для них сферой употребления. В собственно дефиницию не включено наличие негативной оценки, но далее говорится, что она может возникнуть по отношению к этим языковым явлениям при условии неуместного употребления. Фиксируется у канцелизмов стилистическая окраска (по-видимому, точнее стилевая): «Следует различать традиционное употребление этих средств лит. языка в документации и неуместное применение их вне рамок официально-делового стиля. В последнем случае стилистическая окраска К. зступает в конфликт с его окружением (контекстом), и такое употребление принято рассматривать как нарушение стилистических норм...» [12, с. 108] и возможность сознательного обыгрывания этой окраски в художественной литературе (по-видимому, такое обыгрывание осуществляется не только в художественной литературе).

В словарной статье, посвященной термину «штамп» [с. 39—400], предпринята попытка разграничить Ш. «как необходимый элемент речи» и Ш. как «сигнал стилистической дефектности». Но это разграничение, вступая в противоречие с общей дефиницией и единым термином, трудно воспринимается. **Штамп речевой** определен как «стилистически окрашенное средство языка, которое осознается говорящими как «готовая», устойчивая и часто употребляющаяся формула».

Определяемая реалья — средство языка. Ее существенные признаки — устойчивое и достаточно частотное воспроизведение как «готового» речевого блока и наличие стилистической окраски. Далее называются «факты языка и речи» (а в определении — только «средства языка?»), которые могут стать штампами: «Слово, словосочетание, конструкция, предложение; архаизм, новообразование, афоризм, поговорка и др.» (Здесь явно нарушен логический принцип рядоположенности перечисляемых фактов), говорится, что «как синоним Ш. часто употребляется термин «клише», и вводится еще один существенный признак штампа: «В отличие от клише, понятие «Ш» оценочно (так называют любые примелькавшиеся, надоевшие и безвкусные выражения, являющиеся результатом небрежного отношения к речи) и отчасти субъективно (речевой Ш. часто ассоциируется с Ш. мысли)».

Итак, судя по общему определению, штампы — это стилистически окрашенные «факты языка и речи» разной природы, из-за частого употребления («примелькавшиеся») получающие негативную оценку («надоевшие и безвкусные выражения»).

Приняв такое определение штампа (а оно согласуется с негативным инвариантным оттенком значения слова «штамп» вообще), читателю трудно воспринимать как непротиворечивую дальнейшую информацию словарной статьи: «объективное содержание понятия «Ш» двойственно. Ш. выступает как необходимый элемент речи там, где ее главной особенностью является наличие стереотипов, обеспечивающих точность, однозначность, экономность и традиционную повторяемость к.-л. элементов языка. Ш. этого типа имеются в большинстве областей официального общения, главным образом в канцелярско-деловой речи (см. канцеляризм):

вышеозначенный, верительные грамоты, настоящим сообщая... и в неофициальной разговорной речи: бытовые стереотипы — читалка, столовка, жидкий билетик; Два до Кунцева — о билетах. Улица Горького — выходите? Ш. выступает как сигнал стилистической дефектности там, где речь имеет иные экспрессивные задачи. Так воспринимаются канцелярско-протокольные Ш. вне специального употребления. Существуют публицистические Ш: форум..., бурлящий континент, агенты империализма, найти горячий отклик в сердцах. В основу Ш. может лечь «художественный образ: белое золото, черное золото»...

«Стереотипы» официального и бытового общения, хотя и стилистически окрашены (точнее эту окраску называть стилевой), явно не получают негативной оценки в своей сфере употребления, поэтому включение их в штампы противоречит общей дефиниции штампа, данной в начале словарной статьи. К тому же, такое расширительное толкование штампа лишает понятие всякой определенности.

Таким образом, предпринятая в энциклопедии «Русский язык» попытка определить сущность штампа и разграничить два разных типа штампа вряд ли может считаться удачной.

При всей показанной выше неоднозначности и неопределенности понятийного плана терминов «стандарт» и «штамп» можно попытаться выделить нечто общее в их понимании:

во-первых, с обозначаемыми этими терминами явлениями наше сознание связывает область функционирования языка и его единиц, область функциональных свойств этих единиц, а не область структурной организации языка;

во-вторых, с этими же терминами обычно оказывается связанным представление об особом характере воспроизводимости языковых единиц и некоторых их сцеплений в речи — как правило ими номинируются частотные, активно воспроизводимые явления;

в-третьих, оба этих термина (если они синонимизируются) или один из них («штамп») существуют для негативной оценки речевых структур или их частей, для негативной оценки единиц языка в речи.

Язык — функционирующая система, и любая его единица предназначена для функционирования. Единицы языка воспроизводимы в речи, они возобновляются, повторяются для образования новых и новых речевых последовательностей. Так что «нейтральная воспроизводимость» — обязатель-

ное и непереносимое условие функционирования всех языковых единиц. И если это считать главным свойством стандартов (В. Г. Костомаров), то все единицы языка как постоянно воспроизводимый, одинаковый для всех материал для образования речевых произведений могут быть названы стандартными (Г. О. Винокур, В. Г. Костомаров). Но вряд ли оправдано такое расширительное применение термина «стандарт», «стандартный», ибо при этом понятие теряет всякую определенность и специфичность. И поскольку такая «стандартная» воспроизводимость — нормальное функциональное свойство языковых знаков, особенно нежелательно в этом значении использовать термин «штамп», традиция использования которого отчетливо связана именно с оценкой (негативной), характеристикой языковых единиц или образованных из них структур. А оценка возникает тогда, когда единицы эти (вернее, характер их функционирования) замечены нашим сознанием. Когда, в каких условиях сознание замечает, фиксирует повторяемость, воспроизводимость языковых знаков? Видимо, тогда, когда в речи нарушаются (смещаются) типичные, нормальные для данного типа знаков условия воспроизводимости. А условия эти для единиц разных языковых уровней различны. Замечаем ли мы воспроизводимость, повторяемость фонем? В обычных условиях нет, хотя они повторяются более, чем часто, но замечаем, когда сознательное повторение однотипных звуков становится значимым (звукопись). Почему замечаем? Потому что нарушены нормальные условия функционирования фонем, ведь обычно фонема прямо не соотнесена со смыслом. Воспроизводимость морфемы мы замечаем тогда, когда она представлена в непривычном морфемном окружении (неологизм, окказионализм) или когда в небольшом речевом отрезке несколько раз повторена одна и та же корневая или словообразовательная морфема, т. е. опять когда нарушены привычные условия функционирования. Видно, в нашем сознании существуют интуитивные представления о вероятностных характеристиках языковых единиц, и когда реальные речевые структуры обнаруживают свойства, не совпадающие с интуитивным представлением о нормальном функционировании единиц языка (с точки зрения частоты их воспроизведения), наше сознание, во-первых, замечает это и, во-вторых, оценивает это изменение или как положительное

(средство выразительности) или как отрицательное (речевая ошибка, недочет и т. д.).

Воспроизводимость, повторяемость и соединение (синтагматика) фонем и морфем осуществляются человеком на уровне речевого автоматизма, обычно не входя в светлое поле сознания. При этом органично реализуются нормальные формы воспроизводимости и синтагматики этих единиц. Поэтому проблема оценки характера их воспроизводимости просто не возникает.

А вот воспроизводимость слова и словесная синтагматика принципиально иные. Слово, правда, тоже входит в более сложные единицы — в словосочетания и предложения, но входит иначе, чем фонема в морфему, а морфема в слово. В языке существуют модели образования словосочетаний и предложений, а вот лексическое наполнение моделей — дело говорящего. Если в процессе речи человек сам выбирает слова, заполняя эти модели, то синтагматика слов возникает в речи. Но единообразие, однотипность речевых ситуаций, их повторяемость приводит к тому, что определенные схемы словосочетаний и даже предложений достаточно часто заполняются одними и теми же словами, и одни и те же сцепления слов устойчиво употребляются разными людьми в разных речевых произведениях; словесная синтагматика при этом уже как бы не возникает и не варьируется в речи, а существует как достаточно жестко закрепленная в узусе. Возникают разные по степени устойчивости, сфере употребления и стилистической окраске объединения слов, словесные блоки, где лексическая синтагматика не индивидуальна, а воспроизводима, она как бы не зависит от особенностей текста и передаваемого содержания. Их-то чаще всего и называют речевыми **стереотипами, клише, стандартами**. Понятийная и терминологическая нечеткость, неопределенность при употреблении этих терминов возникает не только из-за неправомерного расширения объема понятия (вся фонетика, лексика, грамматика — язык вообще — совокупность стандартов), но и потому, что и при более специализированном понимании стандартов в одних случаях характеризуются единицы языка, в других оцениваются речевые структуры, а в третьих — единицы языка в речевых структурах.

Что же номинирует (должен, может номинировать) термин «стандарт»? По-видимому, его целесообразно использо-

вать для оценки характера лексической синтагматики, обозначая ее в таких объединениях слов, где она лишена индивидуальности и прямой соотнесенности с содержанием текста и условиями общения, т. е. становится воспроизводимой. Сам же эти словесные сцепления разной природы и разной сферы употребления. Это широко употребительные составные термины, общественно-политические, идеологические, экономические и др.: *политика мирного сосуществования государств с различным общественно-политическим устройством; реформа общеобразовательной и профессиональной школы; проект договора о запрещении химического оружия; первичная партийная организация; размещение американских ракет средней дальности и др.* и общественно-политическая, шире, публицистическая фразеология: *американское присутствие в Европе; сесть за стол переговоров; революционное преобразование мира; покорители космоса, первопроходцы целины; борьба за мир; политический диалог; и формулы дипломатического. (да и вообще речевого) этикета: По случаю... шлют Вам и в Вашем лице всему... народу... сердечные поздравления...; Беседа прошла в теплой (дружественной) обстановке; Приветствую и поздравляю...; сердечно благодарю за проявленное участие; и сочетания и обороты официально-делового общения: настоящая дана в том; в связи со сказанным...; настоящим доводится до вашего сведения и др. специальные обороты научной речи, например, так называемые «формы связи»: теперь перейдем к...; из... неопровержимо следует...; остановимся на... и др.*

Все эти объединения слов едины в том, что у них стандартная, типовая лексическая синтагматика. Степень устойчивости и коммуникативная целесообразность самой этой устойчивости в подобных сочетаниях, конечно, различны. С одной стороны, составные термины, номинирующие научные или профессиональные понятия, веками складывавшиеся и шлифовавшиеся формулы дипломатического этикета, а с другой — «выражения с ослабленной лексической семантикой», по выражению Г. Я. Солганика, часто плеонастические, неоднократно осуждавшиеся в лингвистической литературе: *с чувством законной гордости; отметить имеющиеся недостатки; вручить памятные подарки; гордиться достигнутыми успехами* и др. Задача культуры речи и стилистики, изучив природу, условия функционирования таких стандар-

гов, дать обоснованные рекомендации к их употреблению, определить, когда такая стандартизованность уместна, а когда она не соответствует принципу коммуникативной целесообразности. Используя термин «стандарт», термин-элемент «стандартный», мы оцениваем типовой, лишенный индивидуального начала характер словесной синтагматики. А вот хорошо это или плохо, и когда хорошо, а когда плохо — это уже оценка (положительная или отрицательная) самих словесных блоков и их применения в разных условиях общения. Такая оценка термином «стандарт» не производится.

А вот термин «штамп» целесообразно применять для оценки выбранных автором речи языковых средств, характера организации речевых структур по отношению к передаваемому содержанию и целеустановке высказывания, т. е. только в связи с конкретным текстом. Это негативная оценка языковых средств, использованных говорящим в определенном тексте для цели, которую они не способны осуществить. Человек, использующий набившую оскомину метафору, применяет ее как средство выразительности, а она не может быть таковым именно из-за того, что стала привычной. Определение штампа, данное В. Г. Костомаровым, фиксирует как раз этот, наиболее существенный, признак штампа: штамп — «любое средство выражения, дающее при опосредовании негативный стилистико-смысловой эффект» [10, с. 202]. Но в понимании штампа важно учитывать еще одно обстоятельство. Говоря о штампе, мы имеем в виду не индивидуальные потери и просчеты в организации речи, так сказать, «речевые заблуждения» массового характера. [Негативно воспринимаются они тоже не отдельными людьми, пуристами, речевыми «гурманами», их отрицательная оценка тоже достаточно массова. Штамп — это весьма распространенный в определенный период времени способ выражения некоторых речевых заданий (например, создание выразительности), который, перестав (по разным причинам) удовлетворять принципу коммуникативной целесообразности, стал получать негативную оценку людьми с развитым речевым вкусом. Если таких контекстов, где некоторое языковое средство оценивается воспринимающим сознанием как неуместное, достаточно много, негативная оценка контекстов может переноситься и на само средство, которое таким

образом оказывается «скомпрометированным» и уже на себе несет печать неуместности, в этом случае само языковое средство называют «штампом», но это, в принципе, метонимический перенос значения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
2. Борченко Е. Д. Синтаксический стандарт в газете. — В кн.: Языковая норма и статистика. М., 1977.
3. Будагов Р. А. Против словесных штампов. — В кн.: Вопросы культуры речи. Вып. 2. М., 1953.
4. Винокур Г. О. Культура языка. М., 1929.
5. Галь Н. Слово живое и мертвое. М., 1975.
6. Головин Б. Н. Основы культуры речи. М., 1980.
7. Гус М., Загорянский Ю., Каганович Н. Язык газеты. М., 1926.
8. Золотова Г. А. Слово и штамп. — Вопросы культуры речи. Вып. 7, М., 1966.
9. Кожина М. Н. О конструктивном принципе функционального стиля, его экстралингвистической основе и критериях стилистических оценок. — В кн.: Вопросы стилистики. Вып. 5. Саратов, 1972.
10. Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе. 1971.
11. Основы методики лекционной пропаганды. М., 1972.
12. Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.
13. Сазоньев Б. А. О речи школьников и штампах. — В кн.: Вопросы культуры речи. Вып. 7, М., 1966.
14. Солганик Г. Я. Что такое язык газеты? — ж. Русская речь, 1982, № 4.
15. Солганик Г. Я. Язык и стиль передовой статьи. М., 1973.
16. Грехнева Г. М. Термины «стандарт» и «штамп» в работе В. Г. Костомарова «Русский язык на газетной полосе». — В сб.: Термины в языке и речи. Горький, 1984.

ПРЕДМЕТНАЯ И ПОНЯТИЙНАЯ ОТНЕСЕННОСТЬ ТЕРМИНА «ВИД» В СОВРЕМЕННОМ СОВЕТСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

М. В. Косова

Волгоградский университет

В лингвистической литературе в последние годы стало общепризнанным мнение о том, что качества однозначности, краткости, независимо от контекста, предъявляемые к термину, являются лишь желаемыми. То же самое можно сказать и о точности, или правильности термина — то есть правильной ориентированности на объект, способности

отражать существенные признаки выражаемого термином понятия.

Исследователи все чаще стали выражать недовольство современным состоянием лингвистической терминологии. «...В научный оборот в настоящее время вошли одинаково звучащие термины, отражающие неодинаковые понятия, возникающие в различных областях знания, не всегда правильно сопоставимые и одинаково определяемые» [11, с. 3]. Отмечается, что многие термины имеют приблизительное, расплывчатое значение. Все чаще говорится о неодинаковой предметной или понятийной отнесенности некоторых терминов.

Как известно, под предметной отнесенностью термина подразумевается его связь с каким-либо явлением, предметом действительности (при этом терминируемый объект именуется разными исследователями по-разному: «денотат», «референт», «экстенционал»), а под понятийной отнесенностью — отнесенность к выражаемому им понятию. Понятие как способ обобщения наиболее существенных признаков предмета (явления действительности) в определенной степени субъективно, поэтому понятия об одном и том же объекте действительности могут различаться у представителей разных школ, научных направлений и даже у отдельных исследователей. Причем, различаясь на содержательном уровне, они могут иметь одну форму выражения. В этом случае мы говорим о том, что термины имеют одинаковую предметную и различную понятийную отнесенность. Однако в науке имеет место и иное явление, когда за одинаковой формой (одним термином) стоит обозначение различных (хотя и схожих) предметов (явлений). Естественно, что тогда и понятия, выраженные этими терминами, будут различаться; соответственно термины имеют неодинаковую и предметную и понятийную отнесенность. Неодинаковая понятийная и особенно предметная отнесенность одного и того же термина, неточность терминологической лексики порой порождает бесплодные, ненужные дискуссии, недоразумения, сдерживает развитие теории, затрудняет научное и учебное общение. На определенных этапах развития науки возникает необходимость в разумных пределах упорядочения терминологии. Такое упорядочение представляется возможным, потому что «терминологические значения устанавливаются в процессе

сознательной преднамеренной договоренности. Такие особенности научного термина как однозначность, точность представляют собой естественное следствие именно того, насколько точно определено значение данного термина путем договоренности» [4, с. 101].

Первичным этапом такой работы является изучение терминологических систем, анализ их понятийного своеобразия, формальной и семантической организации, структуры. В связи с этим Б. Н. Головин обращал внимание исследователей на терминологический аппарат научных школ, направлений и даже отдельных ученых. Он считал, что изучение таких («авторских») терминологических систем способствовало бы не только развитию теоретического терминоведения, но в еще большей мере — прояснению многих темных мест, возникающих в теоретических построениях других наук и мешающих их развитию [6, с. 8].

Именно поэтому представляется рациональным исследование терминосистем, описывающих категорию вида русского глагола. Недостаточная разработанность теории видов объясняется разными факторами. Объективной причиной является сложность самого объекта изучения, которая, очевидно, заключается в том, что в категории вида тесно переплетаются лексическое и грамматическое значения. Это приводит, например, к тому, что исследователи в основу значения совершенного вида кладут разные признаки действия: результативность, законченность, недлительность, предельность, целостность, однократность, секвентность.

Однако есть и субъективные причины, которые заключаются в неодинаковом подходе к исследованию объекта, зависимости от системы взглядов и убеждений ученого, от научного направления, школы, интересов.

Разделяя точку зрения Б. Н. Головина и опираясь на предложенные им критерии выделения термина из текста, мы выписали для анализа 153 термина из работ А. В. Бондарко [2; 3] и 78 терминов из работы И. Г. Милославского [8]. И А. В. Бондарко, и И. Г. Милославский рассматривают категорию вида как привативную оппозицию, где сильным, маркированным членом является совершенный вид, а несовершенный вид не обладает никакой положительной характеристикой. Совершенный вид обозначает не-

кое целостное событие, указывая при этом на какую-то его специфическую границу [8, с. 162; 1, с. 11].

Иными словами, у обоих исследователей много общего в понимании данной проблемы. А так как системы терминов отражают системы соответствующих понятий, то следует ожидать, что и наблюдаемые терминосистемы будут также иметь много общего.

Анализ терминологических систем на формальном уровне (по количественному составу) показывает:

у А. В. Бондарко:

- 1-словных терминов — 5 [3, 27 %]
- 2-словных терминов — 37 [24, 18 %]
- 3-словных терминов — 55 [36 %]
- 4-словных терминов — 46 [31 %]
- 5-словных терминов — 6 [3, 72 %]
- 6-словных терминов — 3 [1, 83 %]

у И. Г. Милославского:

- 1-словных терминов — 4 [5, 13 %]
- 2-словных терминов — 20 [25, 64 %]
- 3-словных терминов — 24 [32, 77 %]
- 4-словных терминов — 24 [32, 77 %]
- 5-словных терминов — 3 [3, 85 %]

В результате формального сопоставления терминосистем обнаружилось, что они имеют лишь 18% общих (одинаковых) терминов. Это такие термины, как *вид* (34—43), *система видов* (1—1), *видовая пара* (21—11), *видовое значение* (7—10), *значение несовершенного вида* (2—5), *глагол совершенного вида* (1—2), *перфективация* (8—5), *конкуренция видов* (1—1), *двувидовые глаголы* (1—26) и другие [12].

Формальный анализ показывает большие расхождения между терминологическими системами, но насколько они существенны, можно судить из дальнейшего семантического анализа.

Приведенные выше общие термины можно считать основными, или базовыми, так как они выражают исходные понятия категории вида. В каждой терминологической системе однословные термины имеют термины-варианты. Вариантами мы называем «совпадающие в значении фонетические, морфологические (в том числе и словообразовательные) и орфографические модификации сложных слов и словосочетаний с едиными корнями в своих компонентах, а также

полные и усеченные формы слов и словосочетаний, могущие иметь некоторые стилистические различия» [9, с. 14].

Так, у А. В. Бондарко 14 терминов являются вариантами основных терминов (это составляет 9%). Все они относятся к синтаксическим вариантам. Например: *вид глагола* — *глагольный вид*, *видовое значение* — *значение вида*, *частные значения видов* — *частные видовые значения*, *несоотносительные по виду глаголы* — *несоотносительные глаголы*, *процесс перфективации* — *перфективация*.

У И. Г. Милославского вариантов основных терминов всего 5 (это составляет 6,4%). Однако у этого автора наряду с синтаксическими вариантами (*система видов русского глагола* — *система русских глагольных видов*), имеются фонетические (*непарные глаголы* — *внепарные глаголы*) и морфологические варианты (*семантическое содержание несовершенного вида* — *семантика несовершенного вида*).

При сопоставлении терминосистем обнаружилось, что в терминосистеме «ВИД» И. Г. Милославского отсутствуют некоторые варианты терминов, которые представлены у А. В. Бондарко. Это видно из следующей таблицы [13]:

Термины А. В. Бондарко	Термины И. Г. Милославского
видовое значение (значение вида)	видовое значение
видовое противопоставление (противопоставление видов)	видовое противопоставление
имперфективация (процесс имперфективации)	имперфективация
значение совершенного вида (грамматическое значение совершенного вида)	значение совершенного вида

Помимо основных, или базовых терминов, внутри каждой терминологической системы имеются свои термины-синонимы.

Вслед за В. Н. Молодцем мы называем синонимами в терминологии не абсолютно равнозначные единицы, а слова с единым или близким предметно-логическим содержанием,

«поскольку они могут отличаться друг от друга не только стилистическими оттенками, но и отчасти семантическим наполнением самих терминов, подчеркиванием того или иного характерного для них признака, той или иной предметной соотносительности» [10, с. 59].

Так, в терминосистеме А. В. Бондарко основные термины имеют 8 синонимов [5,2%]. Например: *видовое соотношение* — *видовая корреляция*, *видовое значение* — *видовая семантика*, *чистовидовая приставка* — *пустая приставка*, *приставочный глагол совершенного вида* — *приставочная форма совершенного вида* — *приставочное образование совершенного вида*.

У И. Г. Милославского синонимичных терминов всего четыре (5,1%). Среди них: *значение несовершенного вида* — *семантика несовершенного вида* — *семантическое содержание несовершенного вида*; *значение категории вида* — *семантическое содержание категории вида* — *семантическая сущность вида*.

В результате сопоставления терминосистем также обнаружилось, что некоторые термины А. В. Бондарко и И. Г. Милославского вступают в синонимические отношения.

Термины А. В. Бондарко	Термины И. Г. Милославского
видовая семантика	видовое значение
семантическое содержание вида	семантическая сущность вида
вторая ступень видового образования	вторая ступень видового производства
соотносительные глаголы	парные глаголы
несоотносительные глаголы	непарные глаголы

Большинство терминологических синонимов в исследуемых терминосистемах не отличаются на содержательном уровне.

Одно и то же явление языковой действительности — способность или неспособность глагола образовывать видовую пару — получает у А. В. Бондарко и у И. Г. Милославского разное терминологическое обозначение. Глаголы, которые

могут образовывать видовую пару, А. В. Бондарко называет термином «соотносительные глаголы» (*соотносительные глаголы совершенного вида, соотносительные глаголы несовершенного вида*), И. Г. Милославский — «парные глаголы» (*парные глаголы совершенного вида, парные глаголы несовершенного вида*).

Глаголы, не имеющие соотносительных видовых пар, А. В. Бондарко обозначает термином «несоотносительные глаголы» (*несоотносительные глаголы совершенного вида, несоотносительные глаголы несовершенного вида*), И. Г. Милославский — «непарные глаголы» (*непарные глаголы совершенного вида, непарные глаголы несовершенного вида*).

Подтверждение вывода о том, что системы терминов отражают системы соответствующих понятий, дает и ознакомление с работами других авторов. Так, Ю. С. Маслов, который разделяет точку зрения А. В. Бондарко и И. Г. Милославского на категорию вида и так же понимает основное значение совершенного и несовершенного вида, называет глаголы, не имеющие видовых пар, термином «дефективные глаголы» (глаголы *imperfectiva tantum*, глаголы *perfectiva tantum*). Эти термины тоже являются синонимами, хотя между ними и существует небольшое различие в семантике. Оно заключается в следующем.

А. В. Бондарко рассматривает несоотносительность глаголов по виду как регулярное, закономерное явление, как самостоятельный тип видового противопоставления, создаваемого разными словами. Всю категорию вида он считает категорией «смешанного типа» [3, с. 48].

Для Ю. С. Маслова же видовая дефективность (недостаточность) представляется явлением редким, случайным, своего рода исключением из правила. А так как в большинстве случаев вид выступает как категория словозменительная, то Ю. С. Маслов и считает ее таковой [7, с. 172].

Таким образом, различный подход к пониманию несоотносительности глаголов по виду сказывается на определении другого понятия — типа грамматической категории.

Все вышесказанное позволяет сделать весьма очевидный вывод о том, что и синонимы и варианты терминов различаются по форме, но имеют общее (или близкое) содержание.

Сопоставление авторских терминосистем показало, что наибольший интерес представляют термины, выражающие разные понятия.

Довольно большую группу составляют термины, которые встречаются лишь у одного из авторов, но которые могли бы быть употреблены и другим. Их существование часто объясняется интересом и задачей исследователя. Отсутствие этих терминов в одной из терминосистем можно считать случайным, поэтому мы условно называли подобные термины «потенциально-возможными».

Таких терминов у А. В. Бондарко 15 (9,8%). Среди них: *приставочный глагол совершенного вида, производные формы несовершенного вида, бесприставочный глагол несовершенного вида, основа несовершенного вида, вторичные приставочные образования несовершенного вида, показатель совершенного вида* и другие.

У И. Г. Милославского встречается 26 терминов этой группы (33,3%). К ним относятся: *деепричастие несовершенного вида, деепричастие совершенного вида, личная форма глагола совершенного вида, непереходный глагол несовершенного вида* и другие.

Наибольший интерес представляют термины, которые встречаются лишь у одного из авторов и не могут быть употреблены другим, так как их употребление связано с особенностями подхода к языковому факту, с индивидуальным пониманием некоторых явлений языка. Наличие или отсутствие таких терминов в терминосистеме обязательно, они определенным образом характеризуют микросистему. Их можно условно назвать характеризующими.

А. В. Бондарко употребляет следующие термины (их 43=27,4%), которых нет и не может быть у И. Г. Милославского: *функционально-семантическая категория аспектуальности, элементы аспектуальности, периферийные элементы аспектуальности, грамматическое ядро аспектуальности, тип аспектуального контекста* и другие.

Присутствие этих терминов в терминосистеме «ВИД» у А. В. Бондарко связано с тем, что Бондарко считает категорию вида грамматическим ядром функционально-семантической категории аспектуальности, которая выражается

морфологическими, синтаксическими, словообразовательными средствами языка, различными комбинациями средств контекста [2, с. 18—31].

К этой же группе относятся следующие термины А. В. Бондарко: *частные видовые значения, конкретно-процессное значение несовершенного вида, конкретно-фактическое значение совершенного вида, неограниченно-кратное значение несовершенного вида, потенциально-качественное значение несовершенного вида* и другие.

Сложная природа категории вида заставляет А. В. Бондарко рассматривать ее как единицу межуровневую, широко понимать грамматические явления языка. Он считает, что частные видовые значения являются результатом взаимодействия грамматической формы с определенными типами контекста [3, с. 8].

Эта же причина (взаимодействие грамматической формы с контекстом, влияние контекста) не позволяет И. Г. Милославскому признать частные видовые значения грамматическими. Эти значения он считает позиционно обусловленными, вынужденными лингвистическим или ситуативным контекстом [8, с. 162].

Таким образом, анализ терминосистем на формальном и семантическом уровнях позволяет сделать следующие выводы:

1. Различия на формальном уровне значительно существенней различий на семантическом уровне.
2. Термин «категория вида» у А. В. Бондарко и И. Г. Милославского имеет одинаковую предметную отнесенность, но неодинаковую понятийную.
3. А. В. Бондарко понимает категорию вида несколько шире, чем И. Г. Милославский, что находит свое отражение в терминосистемах.
4. Соотношение объемов понятий категории вида у двух исследователей можно охарактеризовать как включение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. — М., 1971.
2. Бондарко А. В. К проблеме функционально-семантической категории. — ВЯ, 1967, № 2.
3. Бондарко А. В., Буланн Л. Л. Русский глагол. — Л., 1967.
4. Герд А. Терминологическое значение и типы терминологических значений. — В кн.: Проблематика определений терминов в словарях разных типов. — Л., 1976.

5. Головин Б. Н. О некоторых доказательствах терминованности словосочетаний. — В сб.: Лексика, терминология, стили. Горький, 1973, вып. 2.

6. Головин Б. Н. Типы терминосистем и основания их различия. В сб.: Термин и слово. Горький, 1981.

7. Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление). — В кн.: Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959.

8. Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка. — М., 1981.

9. Молодец В. Н. Некоторые проблемы терминологической синонимии. В сб.: Термин и слово. Горький, 1983.

10. Молодец В. Н. Особенности русско-немецкого словаря фонетических терминов. — В сб.: Термин и слово. Горький, 1980.

11. Сифоров В. И., Канделаки Т. Л. Методологические аспекты терминологии АН СССР. — ВЯ, 1983, № 2.

12. Первой цифрой в скобках обозначается количество употреблений этого термина в терминосистеме А. В. Бондарко, а второй цифрой — употребление в терминосистеме И. Г. Милославского.

13. В таблице приводится в качестве примера лишь часть отмеченных нами терминов-вариантов.

ОПЫТ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПОНЯТИЙНОГО СОДЕРЖАНИЯ ТЕРМИНОВ И ОБЩЕУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

Р. Ю. Кобрин, О. В. Иванова.

Горьковский НИИ прикладной математики и кибернетики

Анализ определений термина показывает, что большинство дефиниций сводится к тому, что термин — это слово или словосочетание, обозначающее некоторое специальное научное или техническое понятие. На понятийное содержание терминов указывали еще философы глубокой древности. Если мы обратимся к определению термина как языковой единицы, данному в словаре Брокгауза и Ефрона, определению, основывающемуся на системе понятий Аристотелевой логики, то увидим, как мало принципиально нового было внесено в дефиницию термина, (а следовательно, и в научное «понимание» этого понятия) за 80 лет развития науки.

«Термин — слово, которому соответствует определенное понятие, или изолированное, или входящее в состав суждения или умозаключения (<...>). Научные термины — слова, имеющие специальное, строго определенное в данной научной области значение. Совокупность прочно установленных в данной науке терминов образует терминологию данной науки...» [1, с. 957—958].

Признание понятийного содержания терминов существенным признаком этого класса слов и словосочетаний позволит отличить термин от «нетермина» в том случае, если «нетермин» лишен функции выражать специальное профессиональное понятие, но может функционировать только как знак предмета, явления, процесса, а также как знак, выражающий бытовое понятие или общее представление.

В широко известном в языкознании семантическом треугольнике выделяются «предмет» (или «денотат», или «референт»), а также «понятие» (или «десигнат»). Чтобы стать фактами языка, и предмет, и понятие должны быть названы, т. е. должны иметь имя. Поэтому всякое слово всегда и обозначает отражаемый в сознании предмет, и выражает понятие о нем.

Рассмотрим для примера слово *язык*.

1. В контексте «И вырвал грешный мой язык» это общеупотребительное слово называет конкретный предмет действительности. Но это же слово выражает и бытовое понятие о языке как части человеческого организма.

2. В контексте «Истоки и судьбы русского литературного языка» термин «язык» обозначает научное понятие: «совокупность и система знаковых единиц общения в отвлечении от языкового материала» (Б. Н. Головин), но одновременно и совершенно определенный факт (предмет) объективной действительности — русский литературный язык.

Совершенно аналогично любое общеупотребительное слово (береза, дом, река и т. д.) и любой технический термин (автомобиль, двигатель внутреннего сгорания, карбюратор, подвеска, рулевое управление и т. д.) называет и класс предметов (или конкретный предмет), и понятие.

Концепция семантического (знакового) треугольника в настоящее время критикуется на основании того, что связь между знаком и референтом оказывается не опосредованной человеком, между тем только человек способен репрезентировать внешний мир в виде знаков, в которых установлены биологические немотивированные отношения [2, с. 25]. Это возражение вряд ли может быть принято, так как, на наш взгляд, концепция знакового треугольника основывается на признании деятельностной, отражательной способности человека и сам треугольник «существует» в сознании отражающего действительность мыслящего, следовательно, действующего человека [3, с. 188—206].

Ситуация осложняется еще и тем, что одни и те же (с точки зрения формы) слова и словосочетания могут выступать как в качестве терминов в сфере профессионально-производственного и научно-технического общения, так и в качестве слов и словосочетаний общего употребления в сфере бытового общения [4].

Например: термин «сон» обозначает «...периодическое состояние организма, при котором почти прекращаются его активные связи с внешним миром, наблюдается замедление ряда физиологических процессов и создаются наилучшие условия для восстановления работоспособности центральной нервной системы». (Популярная медицинская энциклопедия. М., Сов. энцикл., 1965). В специальном тексте слово «сон» реализует терминологическое значение: «Через 1/2—2 ч. после их (снотворных) приема наступает сон продолжительностью 6—9 часов в зависимости от фармакологических свойств применяемого препарата». (Учебное пособие для подготовки мед. сестер. М., Медицина, 1979, с. 137).

В контексте художественного произведения: «...И снится чудный сон Татьяне» (А. С. Пушкин) — значение слова «сон» тождественно значению слова «сновидение», т. е., очевидно выражает бытовое понятие, одновременно называя конкретный факт действительности — «чудный сон Татьяны».

Итак, термины, как и слова и словосочетания общего употребления, способны называть и понятия, и предметы, и для разъяснения понятия «термин» необходимо знать, чем отличаются понятия специальные, научно-технические, от бытовых понятий или общих представлений.

Известно большое количество определений понятия [5, 6, 7]. Во всех этих определениях подчеркивается, что в понятии отражаются существенные и отличительные признаки предметов. Как указывается в литературе [8, 9, 10, 11, 12, 13], различие бытовых и научных понятий состоит в более низкой степени точности и глубине отражения действительности, фиксировании в бытовом понятии различных, не обязательно существенных признаков.

Несомненна связь понятия и представления. Всякое представление есть чувственный наглядный образ предмета или явления действительности, сохраняемый и воспроизводимый в сознании и без непосредственного воздействия самих предметов и явлений на органы чувств [14, с. 414]. Представле-

ние непосредственно предшествует образованию понятия. Представления бывают единичными и общими, причем общим является представление, обобщенно отражающее ряд сходных предметов. Иначе говоря, общие представления — такие, в которых возникающий образ относится не к одному индивидуальному предмету, а к классу предметов. В формировании общих представлений, как и в формировании любых понятий, важнейшую роль играет речь — название одним словом ряда предметов.

Таким образом, бытовые понятия и общие представления характеризуются сходными признаками:

- 1) обобщенно отражают классы предметов,
- 2) имеют низкий уровень обобщения, точности и глубины отражения действительности по любым случайным признакам.

Л. С. Выготский указывал: «С точки зрения диалектической логики понятия, как они встречаются в нашей житейской речи, не являются понятиями в собственном смысле этого слова. Они являются скорее общими представлениями» [15].

Можно сформулировать гипотезу, которая может быть проверена психолингвистическим экспериментом по восприятию человеком разных лексических групп слов.

Гипотеза такова: общеупотребительные слова выражают общие представления и бытовые понятия, термины — специальные профессиональные (научные и технические) понятия; при переходе в разряд терминов общеупотребительные слова начинают выражать профессиональные научно-технические понятия, а термины при употреблении в бытовом общении и художественной литературе выражают общие представления и бытовые понятия.

Конкретные задачи эксперимента:

— 1. Анализ особенностей восприятия человеком общеупотребительных слов и терминов.

2. Исследование восприятия терминов испытуемыми, владеющими и не владеющими данной терминологической системой.

3. Установление особенностей восприятия терминов при переходе из данной терминосистемы в общеупотребительную лексику и наоборот.

Материал эксперимента — термины и общеупотребительные слова.

Характеристика групп, участвующих в эксперименте	Стандартный список слов-стимулов					
	1		2	3	4	5
Студенты-лингвисты Студенты-математики	Прикладная лингвистика Стили языка	Матрица Булева алгебра	Метаязык Алфавит	Метод Формальная логика	Дом Право Образ Айсинг	Слякоть Речка
Студенты-математики Студенты медицинского института	Пренатальная патология Этиология болезни	Количество информации Условная энтропия	Память Группа	Метод Исследование	Мораторий Расизм Ритбергер	Сад Мода
Студенты медицинского института Студенты-экономисты	Пренатальная патология Этиология болезни	Капитал Стоимость	—	Эксперимент Метод	Государство Роллс-Ройс	Вода Стол

Разработан стандартный список слов-стимулов, включающий:

- 1) термины двух различных терминологических систем;
- 2) межотраслевые термины, входящие в обе терминосистемы;
- 3) общенаучные термины;
- 4) часто употребляемые слова в печати, бытовом общении, являющиеся терминами искусства, литературы, истории, экономики, политики, спорта, юриспруденции;
- 5) общеупотребительные слова.

В эксперименте участвует несколько социально-профессиональных групп (студенты вузов и специалисты).

Для каждой профессиональной группы стандартный список включает конкретные слова. В таблице 1 приведены примеры слов-стимулов.

Экспериментатор предлагает каждому испытуемому список слов и дает инструкцию: «Вы должны ответить письменно на вопрос «Что такое X?» Если ничего не можете ответить, ставьте прочерк». Испытуемые записывают ответы против каждого очередного слова.

Для ограничения времени ответа и количества слов-стимулов в списке проводится пробный эксперимент. Он показал, что оптимальное количество слов-стимулов в списке 5—7 слов, а время ответа 15—20 минут (в зависимости от уровня группы).

Обработка результатов эксперимента заключалась в выяснении того, что стоит за определениями, предлагаемыми испытуемыми: научное понятие или бытовое понятие, или общее представление. Признаки, выделяемые в ответах испытуемых, анализировались и сравнивались с признаками толкуемых слов в словарях различных типов. При этом считалось, что в терминологических словарях раскрываются выражаемые терминами специальные, научно-технические, политические, литературоведческие и другие понятия. Как допущение принимается тот факт, что в толковых словарях представлены бытовые понятия, выражаемые общеупотребительными словами. Общее представление в отличие от бытового понятия характеризуется наглядностью и образностью, т. е. воспроизведением в сознании испытуемого предметов и явлений, выражаемых словами-стимулами на фоне определенной ситуации.

Пример обработки ответов на слово-стимул «сад».

Определение слова-стимула «сад», предложенное студентом экономического факультета:

«Сад — множество растений и деревьев (ботанический сад, сад яблоневого)».

Можно выделить следующие признаки: 1) множество растений; 2) множество деревьев; 3) элемент наглядности и образности.

В терминологических словарях слово «сад» отсутствует. В «Словаре русского языка» [17] дается такое определение: «Сад — участок земли, засаженный деревьями, кустами и цветами (обычно с проложенными дорожками); деревья, кусты, цветы, растущие на этом участке».

В словарной статье указываются следующие признаки: 1) участок земли; 2) участок обрабатывается человеком; 3) на участке посажены деревья, кусты, цветы.

Из анализа определений видно, что указанных в ответе признаков недостаточно для определения бытового понятия «сад».

Указанные признаки можно отнести, например, к понятию «леса». Указание на сад ботанический и сад яблоневый показывает, что испытуемый представляет определенные виды садов, когда-то виденных и запечатлевшихся в его сознании.

Можно сделать вывод: испытуемый имеет лишь общее представление о садах.

Ответы испытуемых показывают, что за разными типами слов стоят различные связи:

1. Для испытуемых, владеющих определенной терминологической системой, термины-стимулы данной терминосистемы выступают как слова, выражающие научно-технические понятия. Наблюдаются особенности в дефиниции терминов испытуемыми разных социальных групп (специалистами, студентами разных курсов).

Ответы студентов VI курса медицинского института (специальность — педиатрия):

Этиология болезни — 1) «возбудитель болезни, его свойства, путь проникновения в организм; причина возникновения заболевания»; 2) «причина (их может быть несколько), вызывающая какое-либо заболевание»; 3) «причина и условия заболевания».

2. В ответах испытуемых на термины, принадлежащие неизвестной терминосистеме, преобладают отказы или нетерминологическое толкование знакомых слов. Здесь слова выражают бытовые понятия. Так, например, студенты медицинского института в ответах на математический термин «количество информации», хорошо знакомый студентам-математикам с младших курсов, были единодушны. Для них это сведения, получаемые в течение жизни человека.

3. Своеобразно меняется значение общенаучных терминов. Научное понятие о них формируется уже на первых курсах вузов. Студенты старших курсов конкретизируют те понятия, которые они используют в своей работе и учебе. Другие становятся для них бытовыми понятиями. Так, для студентов-медиков «система» все более конкретизируется до понятия систем жизнедеятельности человека; для студентов-математиков — до понятия математических систем, в частности, системы координат, а «метод» — до математических методов решения задач.

4. Часто употребляемые слова, являющиеся терминами литературы, искусства, истории, политики, экономики, спорта, выражают общие представления или бытовые понятия для обследованных групп испытуемых.

Например, ответы испытуемых на слово «долг» показали, что существует представление о долге, более или менее одинаковое у всех испытуемых. Представление о долге отражает некоторые конкретные проявления чувства долга (обязанность, ответственность перед Родиной, обществом) и индивидуальные проявления долга, связанные с самим испытуемым или знакомыми ему людьми.

У студентов младших и средних курсов представление о расизме связано с конкретными его проявлениями в Америке, Африке, ЮАР, с людьми с цветной кожей и носит резко отрицательную и осуждающую окраску.

5. Общеупотребительные слова выражают бытовые понятия и общие представления. Испытуемые определяют слова путем создания образа определенной ситуации, которая дает более или менее наглядное представление о предмете, обозначаемом данным словом; испытуемые дают своему ответу эмоциональную окраску, выражают чувства, связанные с данным явлением. Например. *Слякоть* — 1) «Когда плохая погода и плохое настроение»; 2) «Мелкий морозящий дождь»;

вокруг местность с голой землей»; 3) «Если на улицах смешался снег с дождем, вообще, когда моросит мелкий дождь и на улице серо, противно».

Родина — 1) «Уголок земли, где я родилась, выросла, где живут близкие люди, которым я обязана за свое существование»; 2) «Страна, традициям которой человек верен до конца своей жизни, делами и заботами которой он живет»; 3) «Место, где родился и вырос. Все самое дорогое, которое нельзя никогда забыть и изменить».

Выводы

1. Термины выражают специальные профессиональные понятия в случае их употребления испытуемыми, владеющими данной терминологической системой.

2. Общеупотребительные слова выражают бытовые понятия и общие представления для любых групп испытуемых.

3. Термины при употреблении в бытовом общении выражают общие представления и бытовые понятия.

4. При переходе общеупотребительных слов в разряд терминов общеупотребительные слова начинают выражать специальные профессиональные понятия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона. С. Петербург, 1901. Том XXXIIa. Книга 64.
2. Лесохин М. М., Лукьяненко К. Ф., Пиотровский Р. Г. Введение в математическую лингвистику. — Минск, 1982.
3. Фреге Г. Понятие и вещь. — В сб.: Семиотика и информатика. М., 1978, вып. 10.
4. Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание. М., 1979.
5. Войшвилло Е. К. Понятие. М., 1969.
6. Философский словарь / Под ред. М. М. Розенталя, П. Ф. Юдина. М., 1968.
7. Философская энциклопедия. М., 1967.
8. Диалектический материализм. М., 1975.
9. Горский Д. П. Вопросы абстракции и образование понятий. М., 1961.
10. Лурия А. Р. Язык и сознание. М., 1979.
11. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
12. Борн М. Физика в жизни моего поколения. М., 1963.
13. Борн М. Атомная физика и человеческое познание. М., 1961.

14. Кондаков Н. И. Логический словарь. М., 1971.
15. Выготский Л. С. Мышление и речь. М.—Л., 1934.
16. Математическая энциклопедия. М., 1974, т. 1.
17. Словарь современного русского литературного языка. М.—Л., 1950, т. 13.

О СОДЕРЖАНИИ ТЕРМИНА «ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА»

В. М. Черняева

Горьковский университет

Термин «эстетическое значение слова» принадлежит Б. А. Ларину и впервые появился в его статье «О разновидностях художественной речи» [1, с. 57—96]. Но он не вошел в широкий научный обиход (как впрочем, не закрепился и термин В. В. Виноградова «символ»), не отмечается словарями лингвистических терминов. По нашим наблюдениям, и сам Б. А. Ларин в своих последующих статьях по языку художественной литературы не обращается к нему.

Активизация употребления этого термина началась в 60-е годы и связана с работой по составлению Словаря автобиографической трилогии М. Горького (инициатором которой был проф. Ларин), а позднее и лексикографическим описанием всего творчества писателя, в которое включились многие вузовские коллективы страны. Эстетическое значение это одна из важнейших квалификаций образной реализации слова в Словаре М. Горького [2, с. 38]. Понятие это применяется и в лексикологических исследованиях стиля писателя.

В лингвистике наших дней этот термин дискуссионен — одни авторы совершенно не признают и не употребляют его, считая его содержание недостаточно определенным, другие используют, но не всегда последовательно. Именно поэтому и представляется целесообразным попытаться разобраться в понятийной и предметной отнесенности термина прежде всего в работах Б. А. Ларина, а затем и его последователей. Возможно, это позволит в какой-то мере ослабить скептическое отношение к нему.

Термин появился у Б. А. Ларина не случайно. Сам он был сторонником предельно строгой точности словоупотребления, когда дело касалось научных понятий. «Надо устано-

вить, — писал он, — психологические, философские термины для систематизации своего опыта в области эстетики языка.... Надо преодолеть психологические трафареты и случайность субъективного опыта, восходя к достоверности широких и ясных обобщений. Для этого необходимо проделать сводку наблюдений в категории, определенные по содержанию и объему» [3, с. 51]. Одной из таких категорий и было у него эстетическое значение.

К этому термину вполне может быть отнесено замечание Б. А. Ларина о том, что порой «сочетание слов дает смысл больший, чем простая сумма «значений» отдельных слов» [3, с. 36]. Для понимания его смысла представляется важным обратить внимание на следующие моменты.

Модель термина является привычной для стиля Б. А. Ларина. Словосочетания с прилагательным *эстетический* и существительным *эстетика* весьма частотны в его работах по теории художественной речи. Автор обращается к категории эстетического как высшему критерию художественности, отсюда такие, например, сцепления с прилагательным *эстетический*: объект, предмет, норма, целесообразность, впечатление, свойство, назначение, воздействие, эффект, манифест, культура народа, функция, результат, эмоция, фактор, мотивированность, стимул, ожидание, интуиция, восприятие и др. И в этом же ряду «эстетическое значение». Смысл большинства из этих сцеплений ясен из контекста, некоторые определяются автором, в их числе и эстетическое значение.

Этот термин введен как необходимое обозначение семантических различий, возникающих в художественной речи и обуславливающих ее специфику. Для автора это ключевое, методологически важное понятие при анализе словоупотребления в художественном тексте. Для того, чтобы разобраться в его содержании, важно исходить не только из авторского комментария, но и из его общей концепции художественной речи.

Эстетическое значение — это особая категория семантических отличий, сущность которой может быть понята в ряду типологических соотношений значений, намеченных Б. А. Лариным: реальное значение — концептуальное значение — эстетическое значение.

Реальное значение в современной терминологии, наверное, можно было бы определить как значение на уровне

языка, Б. А. Ларин указывает, что их различия обусловлены различиями, наблюдаемыми в действительности. Формируются они в словосочетании («Значение слова в каждом случае определяется одним или несколькими словами, непосредственно примыкающими» [3, с. 31], типа: надеть шляпу — надеть червяка).

Концептуальное — это, видимо, значение на уровне речи. Различия в них автор видит «не в мире бытия, а в мире сознания», «слова относятся к тому же предмету или явлению, но соответствуют разным точкам зрения, разным представлениям» (тенета вместо одеяла охотнику, тенета — пути на звере в разбираемых им примерах) [3, с. 32].

Эстетическое значение можно квалифицировать как индивидуально-авторское, контекстное, окказиональное. Самой важной категорией семантических отличий для исследования поэтической речи Б. А. Ларин считает «случаи разного эстетического значения слов при одинаковом или безразличном реальном и концептуальном значении» [3, с. 32]. Иллюстрируя этот тип семантической сложности слова примерами употребления прилагательного «тупой» (тупая бледность, тупые движения, торговля идет тупо), он указывает, что слово как название данной реалии в этом случае «необязательно, даже неожиданно». Здесь оно выполняет не логическую, а эстетическую функцию и «незаменимо как выражение модального качества мысли, целесообразно для передачи психической среды сообщаемого логического содержания. Оно не примыкает к ближайшим словам по смыслу, а служит намеком включенных мыслей, эмоций, воле-ний» [3, с. 33].

Уместно напомнить, что самыми существенными признаками художественной речи Б. А. Ларин считал ее семантическую новизну, ослабление реальных и концептуальных значений слов («забвение этого постоянного значения слов — первый эстетический момент художественной речи» [3, с. 45]), суггестивность, недоговоренность, оставляющую читателю возможность домысливания.

В контексте художественного произведения, который представляет собою эстетически организованное целое, в слове развиваются комбинаторные приращения, «семантические обертоны, т. е. смысловые элементы, которые нами воспринимаются, но не имеют своих знаков в речи, а обра-

зуются из взаимодейственной совокупности слов» [3, с. 36]. Эту семантическую осложненность слова, коннотации, не имеющие особого знакового выражения и являющиеся глубоко индивидуальными, Б. А. Ларин и называет эстетическим значением слова. Оно потенциально, и разное речевое окружение может развить разные смысловые оттенки в одном и том же слове. Б. А. Ларин указал и на условия формирования этого значения: «комбинаторные приращения образуются и в пределах одной фразы и, кроме того, из сочетания периодов — в пределах главы; далее есть оттенки, возникающие только из законченного литературного целого» [3, с. 36].

Отсюда видно, что эстетическое значение может быть выявлено только в том случае, если исследователь не упускает из виду цельности художественного текста, а не дробит его на словосочетания и отдельные слова, что приводит к полной утрате семантического неологизма.

С точки зрения способа номинации это значение, как видно из анализируемых примеров и некоторых замечаний автора, может быть прямым и переносным.

Существенные признаки понятия эстетическое значение у Б. А. Ларина рассредоточены в тексте его статей, а не представляют цельного комплекса, терминология не всегда строго выдержана (то значение слова, то значение художественного периода), в дальнейшем это привело к различному осмыслению его содержания у разных исследователей.

К проблеме эстетического значения обратились составители Словаря М. Горького, поскольку этот словарь по замыслу должен отразить всю полноту образной реализации слова у писателя. При лексикографическом описании стиля М. Горького это одна из наиболее сложных задач и в теоретическом, и в практическом плане.

Л. С. Ковтун, конкретизируя и развивая идеи Б. А. Ларина, указывает ряд признаков эстетического значения, которые, как она пишет, «важны для решения вопроса о специфике словаря писателя» [4, с. 18]. Оно не допускает «слишком конкретных толкований», нерасторжимо с художественным целым, для него «характерен внешний или кажущийся алогизм словесных связей», в нем наблюдается преобладание экспрессивного момента над интеллектуальным, смысловая емкость и многоплановость, наличие особой

художественной окраски речи, в которой оно возникает» [4, с. 21]. Здесь все четко, кроме последнего признака — особой художественной окраски речи. И хотя автор прямо не говорит, но напрашивается вывод, что значение это метафорическое (формируется в непривычных сочетаниях слов, для которых характерна внешняя неоправданность, нелогичность связей, а это условия реализации непрямого значения).

Возвращаясь к проблеме эстетического значения в другой своей статье [5, с. 13], Л. С. Ковтун называет его одной из самых сложных для словарного описания разновидностью авторского значения и на анализе горьковских словосочетаний бывшие и будущие люди, бумажная жизнь, бумажный человек показывает, что оно оставляет место для читательского «домысла».

Как можно видеть, эстетическое значение у Б. А. Ларина, интерпретация его у Л. С. Ковтун не оставляют сомнения, что это понятие довольно широкое по объему, включающее в себя все случаи индивидуально-авторского образного преобразования семантики слова.

В первом издании Инструкции объяснительного словаря автобиографической трилогии М. Горького (1968 г.) [5, с. 144—191] эстетическое значение выделено как особая квалификация образного словоупотребления. Нетрудно убедиться, что его толкование здесь значительно сужено и во многом противоречит авторскому пониманию. Оно рассматривается как один из видов образной реализации слова. Помимо него выделены образные употребления, которые ограничены от переносных и сохраняют важнейшие признаки прямого значения и привычные связи; образные выражения и иносказания, ведущим признаком которых является метафоричность; образный контекст; переносные употребления слов, характеризующиеся новизной контекстных связей; совмещение переносного и образного, прямого и переносного значений.

Что же остается на долю эстетического значения? «Авторские метафоры, сравнения, возникшие на основе преобразования привычных метафор, а также сочетания с прямым значением слов, обладающие особой смысловой емкостью» [5, с. 175]. В этой формулировке ведущим оказывается признак авторского преобразования привычных ме-

тафор (типа приведенного в качестве иллюстрации сравнения «улыбаясь, точно весенний день», возникшего как контаминация общеязыковых метафор). Второе, на чем сделан акцент — смысловая емкость сочетаний с прямым значением. Критерий довольно расплывчатый, и из структуры фразы, кстати, не совсем ясно, относится ли он только к сочетаниям с прямым значением или авторским сравнениям и метафорам тоже.

Такое истолкование эстетического значения не могло быть критерием в практической работе лексикографов. И не случайно во втором издании Инструкции (1974 г.) формулировка существенно изменена, сделана более четкой и соответствует авторскому пониманию термина: «...авторские метафоры, а также своеобразные сочетания с прямым значением слов, обладающие смысловой емкостью и многоплановостью. В них проявляется горьковское видение мира, идеологическая направленность его творчества» [2, с. 38]. И в связи с этим уточнением содержания понятия некоторые факты, которые первым изданием Инструкции рассматривались как эстетическое значение, в Словаре автобиографической трилогии М. Горького не получили этой квалификации (например, «улыбаясь, точно весенний день»).

Надо полагать, что в этой противоречивости понимания предметной и понятийной отнесенности термина эстетическое значение слова кроются причины тех трудностей, с которыми сталкиваются составители словаря писателя, субъективизм в трактовке писательского словоупотребления и, наконец, то скептическое отношение к самому термину, которое характерно для части исследователей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ларин Б. А. О разновидностях художественной речи. В кн.: Русская речь. / Под ред. Щербы Л. В., вып. 1, Пг., 1923.

2. См. Инструкцию Словаря автобиографической трилогии М. Горького в кн.: Словарь автобиографической трилогии М. Горького. Вып. 1, Л., 1974.

3. Ларин Б. А. Эстетика слова и языка писателя. Избранные статьи. Л., 1974.

4. Ковтун Л. С. О специфике словаря писателя. В кн.: Словоупотребление и стиль М. Горького. Л., 1962.

5. Ковтун Л. С. Словарное описание семантико-стилистической системы писателя. В кн.: Словоупотребление и стиль М. Горького. Л., 1968.

СОДЕРЖАНИЕ

✓ Головин Б. Н. Проблема предметной и понятийной отнесенности лингвистических терминов (на материале терминов синтаксиса)	3
✓ Нёмченко В. Н. К определению понятия термина как объекта лексикографического описания	14
✓ Горшкова Т. М. Термины языка и термины речи	21
✓ Русинова Л. Н. О некоторых вопросах упорядочения и стандартизации терминологии (терминологическая синонимия)	25
✓ Низовцева С. А. Возможности и границы унификации научно-технической терминологии	32
Русова Н. Ю. Родо-видовые связи лингвистических терминов	38
✓ Ярнатовская В. Е., Шипова Г. С. Морфологическое оформление иноязычных терминов	45
Чернобай Л. И. О взаимодействии терминологического и общелитературного словообразования (на материале неологизмов французского языка)	52
Ручина Л. И. Сложение лингвистических терминов	56
Бирагова И. И. Регулярные преобразования термина в составе научного заглавия	62
✓ Кузмичева Г. В. Базовая лексика терминосистемы «кардиология»	67
✓ Василенко Н. Э. Опыт наблюдения над словарями музыкальной терминологии	72
Донской Я. Л. Словник и параметризация в научно-технической лексикографии	77
Грехнева Г. М. Объектно-речевая отнесенность терминов «стандарт» и «штамп»	82
Косова М. В. Предметная и понятийная отнесенность термина «вид» в современном советском языкознании	97
Кобрин Р. Ю., Иванова О. В. Опыт психолингвистического анализа понятийного содержания терминов и общеупотребительных слов	106
Черняева В. М. О содержании термина «эстетическое значение слова»	115